

ТАИНА ЧАРОДЕЯ ХАОСА

5778
5782
5787
6000

ИСТОРИЯ
ПРЕДСКАЗАНИЙ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ВАРИАНТ А
ВАРИАНТ В
ВАРИАНТ С

ВЛАСТЬ
ВОЙНА
ХАОС

עֵתִיד

ИЕРУСАЛИМ

גאולה

МОСКВА

ЛУБЯНКА

ПОЛИТИКА
ПРОРОЧЕСТВА
СПЕЦСЛУЖБЫ
РУКОПИСИ
РЕАЛЬНОСТЬ

770

EASTERN PARKWAY

БРУКЛИН

РОССИЯ
ИЗРАИЛЬ
США
АРХИВ
СЕКРЕТЫ
БУДУЩЕЕ

Жириновский
снова предсказал?

КНИГА ВТОРАЯ:

«ИГРЫ ХАОСА»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДЕНИС КРАЕВСКИЙ

18+

Денис Краевский

**Тайна чародея Хаоса.
Книга вторая. Игра Хаоса**

«Автор»

2026

Краевский Д. Б.

Тайна чародея Хаоса. Книга вторая. Игра Хаоса /
Д. Б. Краевский — «Автор», 2026

Жириновский. Откуда он всё знал? Его выступления принимали за политический спектакль. Но за закрытыми дверями он говорил о будущем так, словно речь шла о принятых решениях. Проницательность? Доступ к чужим секретам? Или совсем другая роль в большой политике? 2004 год. Ростовский адвокат Денис Краевский возглавляет штаб Хакамады. Он умеет договариваться, любит риск и намерен попасть туда, где решения принимают, а не обсуждают. Президентская кампания обещает деньги и влияние. Дело убитого клиента привлекает к нему внимание людей, чьи предложения опаснее угроз: за старинным архивом охотятся слишком разные силы. Краевский привык разбираться в чужих интересах. Теперь ему предстоит понять, какое место в них отведено ему самому. И можно ли доверять женщине, с которой близость становится всё откровеннее, а разговоры — нет. «Игры Хаоса» — роман о закулисе власти, где одни пытаются угадать следующий ход, а другие решают, какой выбор им предложить.

© Краевский Д. Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Кандидат №1: Либерал	7
Глава 2. Театр теней	15
Глава 3. Последние встречи	20
Глава 4. Право хранить	31
Глава 5. День Икс: уроки Хаоса	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Денис Краевский
Тайна чародея Хаоса.
Книга вторая. Игра Хаоса

Я знаю что ничего не знаю

(Сократ. V век до н.э.)

Пролог

(Дубай, сентябрь 2025 года)

Солнце садилось, отдавая свою энергию шуму волн и растворяясь в нем. Краевский сидел в кресле с бокалом виски лицом к панорамному окну откуда открывался вид на Персидский залив. Рядом стоял журнальный столик и в соседнем кресле молодой журналист. На стене телевизор пылая красными цветами вещал последние новости BBC

Убийство. Новостные каналы разрывались от количества синонимов этого слова. На телевизоре постоянно сменялись кадры убийства Чарли Кирка. Кадры интервью свидетелей которые захлеб рассказывают как кровь хлестала из шеи молодого политика.

- Человек смертен. – сказал Краевский, глядя на видеоряд BBC, - и это полбеда. Беда заключается в том, что смерть наступает внезапно. Вот очень талантливый молодой человек умер. Я давно следил за ним и все что он говорил, находило в моем сердце живой отклик так как в море безумия, которое происходит на мой взгляд с человеческой цивилизацией в настоящее время он и его мысли были островком разума, в отличие от слов и поведения его патрона. Однако год назад старого маразматика невидимая рука хаоса оставила в живых, а сегодня умный и талантливый молодой человек умер. Почему? Случайность?

Но если это чистая случайность какая вероятность с точки зрения математики что кто то это угадает?

Вот вы когда умрете пригубив виски в очередной раз, неожиданно Краевский обратился к журналисту.

- Ну этого никто не знает – неуверенно произнес Майкл.

Краевский засмеялся.

- Ну может он знал?

Глава 1. Кандидат №1: Либерал

Воспоминания Краевского. Ростов-на-Дону — Москва. Январь — начало февраля 2004 года.

После новогодних праздников я предпринял попытку вернуться к адвокатской практике.

Попытка была искренней. На столе лежали дела, которые я откладывал во время избирательной кампании, а теперь они вернулись ко мне вместе со сроками, клиентами и накопившимся раздражением коллег. Выборы закончились. Люди продолжали разводиться, делить имущество, не возвращать долги и удивляться последствиям собственных подписей.

В полуподвале «Ювенала», напротив Арбитражного суда, пахло кофе и бумагой. На стене ещё оставалась карта моего избирательного округа. Снимать её было жалко: столько усилий, столько обозначенных фломастером перспектив. Большинство перспектив теперь можно было закрасить.

Но кое-что после кампании у меня всё-таки осталось.

В декабре, когда Сергей Геннадьевич Кузнецов спросил, чем областная администрация может отблагодарить меня за сотрудничество, я ответил: «Должны будете».

Ничего мы тогда не подписывали. Кузнецов кивнул, я допил коньяк, и каждый остался при своём понимании договорённости. Меня такой результат вполне устраивал. Должность имела название, контракт — сумму и срок. А здесь сохранялась возможность вернуться к разговору, когда станет понятно, что именно мне нужно.

Кроме того, меня начали узнавать люди, к которым прежде приходилось пробиваться через секретарей. Иногда даже перезванивали. Для человека моей профессии это было вполне осязаемым приобретением.

Отдельно лежало дело Гурари.

После соглашения с Розой Мишковски я завёл адвокатское производство. В папке всё выглядело прилично: наследство, представительство, поиск документов. Саквояж в эту аккуратную картину не помещался. Вопрос его хранения мы с Жекой решили через нашего общего знакомого Алексея Евцова. Где именно находились книги, я не знал.

Записная книжка была у Розы — во всяком случае, она сама это подтвердила. Но между словами «она у меня» и возможностью спокойно сесть и изучить её содержимое оставалось расстояние, которое моя доверительница пока не спешила сокращать.

Я собирался заняться этим вплотную.

И тут позвонила Соня.

— Заходим в президентскую кампанию. Хакамада. Нужен руководитель штаба в Ростове. Ты в деле?

Я отложил ручку.

— Руководитель штаба или юридическое сопровождение?

— Руководитель. Область. Люди, организация, связь с Москвой. Юрист у тебя уже есть.

— И кто же?

— Ты.

Я посмотрел на папки.

— Соня, у меня вообще-то работа.

— У всех работа, Денис. Поэтому я тебе и звоню.

Она говорила так, словно вопрос был решён и нам осталось согласовать время моего прибытия. После истории с прошлогодним штабом Соня знала, что я способен организовать деятельность там, где ещё утром не было даже её признаков. Теперь предлагалось проверить, получится ли у меня сделать то же самое без фокусов.

— Что по финансированию? — спросил я.

— Пришлю условия и план. Посмотришь, что есть на месте, что придётся собирать. Мне нужен человек, который возьмёт область, а не начнёт объяснять, почему ничего нельзя.

— Объяснять, почему нельзя, у меня отдельный тариф.

— Вот его и не будем оплачивать.

Я усмехнулся.

Телевизор в углу работал без звука. На экране кто-то выступал у микрофона, внизу бежала строка новостей. Вчера ещё я пытался объяснить окружающим, зачем им нужен кандидат Краевский. Теперь мне предлагали руководить областной кампанией человека, которого представляли без моей помощи.

Разница была существенная.

Мне нравилось слушать Хакамаду. Я не обязан был соглашаться с каждым её утверждением, но следить за ходом её мысли мне было интересно. В этой работе соединялось сразу несколько вещей, к которым я был неравнодушен: профессиональная задача, новые знакомства и возможность снова оказаться внутри процесса, а не наблюдать за ним по телевизору.

Думская кампания мне понравилась. Признавать это было проще наедине с собой, чем объяснять коллегам, почему их партнёр опять собирается отвлечься от нормального бизнеса.

— Я в деле, — сказал я.

— Тогда вечером жду твоих предложений по людям.

Она отключилась.

Несколько секунд я смотрел на телефон, потом позвал Олю.

— Ольга Васильевна, нам опять понадобится отдельный стол.

— Для какой работы?

— Для президентской кампании.

Она посмотрела на меня, затем на стопки дел.

— А эти куда?

Вопрос был исчерпывающий.

Сергей Геннадьевич позвонил, когда в офис уже начали приносить первые материалы.

— Денис Борисович, добрый день. Слышал, у вас новое назначение.

— Добрый день. Да, возглавляю областной штаб Хакамады.

— Поздравляю. Рад, что это будете вы.

Он сказал это совершенно спокойно, без паузы, в которую полагалось бы уместить скрытое предупреждение.

— Спасибо, Сергей Геннадьевич.

— Нам важно, чтобы со штабами было нормальное взаимодействие. Со всеми. А с вами мы уже работали, понимаем друг друга.

Это было вполне в логике наших отношений. Для областной администрации каждая новая кампания означала не только фамилии на плакатах, но и людей, с которыми предстояло решать организационные вопросы. Кузнецов предпочитал знать, кто находится на другом конце провода. И я его понимал.

— Со своей стороны тоже рассчитываю на рабочий контакт, — ответил я.

— Конечно. Если возникают вопросы, обращайтесь. Лучше обсудить заранее, чем потом разбираться, почему люди не смогли договориться.

— Разногласия всё равно будут.

— Будут, — согласился он. — Поэтому и хорошо, когда есть с кем разговаривать.

Мы ещё несколько минут обсуждали организацию связи и закончили разговор без торжественных обещаний.

Я положил трубку с приятным чувством: прошлогодние усилия не пропали. Не в смысле, что теперь мне должны были предоставить всё по первому требованию. Просто в администра-

ции воспринимали меня как человека, с которым можно работать. Я умел договариваться, не считал всякий компромисс поражением и понимал разницу между принципиальным вопросом и тем, который решается разговором.

При этом никто не предлагал мне менять кандидата, отказываться от собственных задач или получать одобрение на каждое слово. Кузнецов был доволен руководителем штаба. Этого вполне хватало для продолжения сотрудничества.

Когда я рассказал об этом Жеке, он кивнул:

— Ну а чего? Они тебя знают. Ты же не первый день с ними.

— Вот именно.

— Теперь главное, чтобы ты сам не решил, что уже всё знаешь.

— Ты сегодня с профилактической беседой?

— По-дружески, Дэн. Бесплатно.

Вскоре в «Ювенале» стало тесно.

Студенты Маша и Костя разбирали листовки, журналист Олег обсуждал по телефону будущие публикации, бухгалтер Светлана пыталась выяснить, сколько человек мы собираемся нанять и чем им платить. Ответ на второй вопрос требовал большей осторожности, чем на первый.

Соня прислала план. Подписи, люди, встречи, расходы, отчёты.

По плану наша область должна была дать пятьдесят тысяч подписей. На бумаге цифра занимала мало места. В действительности за каждой единицей стоял человек, которого следовало найти, остановить, выслушать и убедить потратить на нас несколько минут.

Сборщики ходили по рынкам, дворам, общежитиям. Возвращались замёрзшие, раздражённые, иногда воодушевлённые.

— Один мужчина полчаса рассказывал мне, почему ни за кого не будет голосовать, — сообщила Маша, разматывая шарф. — Полчаса! Подпись поставить времени нет, а объяснять, почему не поставит, — пожалуйста.

— Может, он давно искал человека, который его выслушает, — сказал Костя.

— Пусть тебе рассказывает.

— Меня ещё найти надо.

Она положила на стол принесённые листы. Костя придвинул их к себе и перестал улыбаться.

Работы было много, времени мало. Самые обнадеживающие цифры обычно звучали по телефону. Когда люди приезжали с результатом, цифры становились скромнее.

— Сколько у вас? — спрашивала Соня.

Я называл число.

— По области?

— По области.

— Когда следующая партия?

И так каждый день.

Однажды вечером я зашёл в заднюю комнату. Костя и его приятель сидели за столом. Перед ними лежали подписные листы.

Сначала я машинально посмотрел на объём работы. Потом — внимательнее.

— Эти люди приходили? — спросил я.

Костя поднял голову.

— Нет.

— Тогда откуда подписи?

Он не ответил сразу. Его приятель положил ручку.

Объяснять мне было нечего. Я видел, чем они занимаются. В штабе появились данные из купленной базы, а вместе с ними — возможность быстро превратить недостающих людей в заполненные строки.

Я взял один из листов.

Ещё днём я обсуждал с Машей, почему граждане не верят в честную политику. Теперь стоял над столом, за которым для нашей кампании изготавливали подтверждения гражданской поддержки.

Особенно неприятно было то, что никто не пытался меня обмануть.

На меня смотрели и ждали решения.

Я мог остановить это. Мог вернуться в кабинет, позвонить Соне и сообщить, сколько мы способны собрать без подобной помощи. Мог потребовать убрать листы.

Вместо этого я спросил, сколько уже подготовлено.

Костя ответил.

Я положил бумагу обратно.

Позднее можно было бы долго рассуждать о сроках, обстоятельствах, необходимости регистрации и о том, что без участия кандидата никакой кампании вообще не получится. Все эти объяснения нашлись у меня быстро. Слишком быстро для человека, который ещё утром считал себя занятым исключительно организационными вопросами.

К завершению сбора мы отправили в Москву сорок тысяч подписей. Около половины были «нарисованными».

Я знал об этом.

Соня спрашивала о количестве и готовности материалов. Я отвечал на то, что она спрашивала.

Жека заехал поздно, когда почти все разошлись.

Он возглавлял ростовское отделение «Партии Жизни» и работал в штабе Миронова. Теперь у каждого из нас были свои звонки из Москвы, свои отчёты и свои причины не отвечать на телефон после полуночи.

Женя остановился перед плакатом Хакамады, потом оглядел комнату.

— Ну что, Дэн, осваиваешь новую профессию?

— Старую расширяю.

— Это я вижу. У тебя уже в приёмной пройти нельзя.

Он снял куртку, сел, потянул к себе чашку.

— А тебе самому-то как? Нравится?

— Нравится.

— Чем?

— Работой. Людьми. Тем, что не всё ещё умею.

Жека покачал головой.

— Тебе всегда надо куда-нибудь влезть.

— А ты у нас случайно партией руководишь?

— Я хоть не делаю вид, что меня исключительно любопытство привело.

— А я играю за идею.

Он посмотрел на меня поверх чашки.

— За какую из них?

Я рассмеялся. Он тоже, но ответа продолжал ждать.

— Жека, мне действительно интересно с ней работать. Не всё же обязательно должно сводиться к одному гонорару.

— Да кто спорит? Ты только сам себе потом всё остальное этим не объясняй.

Он сказал это без особого нажима и принялся рассказывать про свои дела.

Я слушал его и краем глаза видел дверь задней комнаты. Она была закрыта. Жека не знал о нашем сегодняшнем разговоре с Костей и, насколько я мог судить, не имел в виду ничего конкретного.

От этого его замечание было не удобнее.

Перед уходом он спросил:

— А старая история как?

— Работаю.

— Роза приезжала?

— Пока нет. Надо будет встретиться в Москве.

Он застегнул куртку.

— Смотри, Дэн. Выборы выборами, а там у нас уже двое покойников.

— Помню.

Женя кивнул. На этот раз без шутки.

Игорь Байтов появился через несколько дней.

Оля заглянула в кабинет:

— Денис Борисович, к вам Игорь. Байтов.

— Приглашай.

Майор вошёл, поздоровался и оглядел стены.

— Обновились.

— Работаем.

— Вижу. Теперь президентская кампания?

— Областной штаб.

— Серьёзно.

Я указал на кресло.

— Кофе?

— С удовольствием.

Удостоверение он не доставал. Мы познакомились ещё осенью, выпили за дружбу и с тех пор не нуждались в повторном представлении. Байтов сел на прежнее место, положил портфель рядом с креслом.

Первые минуты говорили о новой работе. Сколько людей, как часто приходится ездить в Москву, не мешает ли штаб адвокатским делам.

— Мешает, — признался я. — Но некоторые клиенты считают это признаком моего роста.

— А вы?

— Я пока считаю расходы.

Он улыбнулся.

Оля принесла кофе. Байтов дождался, пока она выйдет, взял чашку и спросил:

— А по Гулари продолжаете работать?

Вот теперь разговор начинался.

— Продолжаю.

— Наследница у вас осталась?

— Я представляю её интересы.

— Роза Александровна, — произнёс он, словно уточнял для себя имя. — Она сейчас в Москве?

— Игорь, вы к ней или ко мне?

— К вам. Поэтому и спрашиваю, как у вас идёт работа.

Я откинулся на спинку кресла.

— Пока без результатов, которыми можно было бы поделиться.

— Смотря каких результатов вы ждёте.

— По уголовному делу — чтобы нашли убийц. По наследству — чтобы закончили с документами.

— А по книгам?

Он сказал это буднично. Я отпил кофе.

— Что именно вас интересует?

— Удалось что-нибудь установить? Происхождение, состав. Вы ведь для этого и работаете с Мишковски.

Байтов не торопился. Он не требовал ответа на предыдущий вопрос, если видел, что я его обхожу. Просто ставил следующий чуть точнее.

— У вас есть сведения, которые могут помочь? — спросил я.

— Возможно. Но надо понимать, что проверять.

— Тогда расскажите, чем располагаете.

Он поставил чашку.

— Денис Борисович, у вас документы, у нас возможности. При разумном подходе это можно совместить.

— Вы уже распределили, у кого что есть.

— Ошибаюсь?

— Пока мы с вами разговариваем слишком общо.

Байтов посмотрел на меня внимательнее.

— Хорошо. С Розой Александровной вы записную книжку уже разбирали?

Я задержал чашку в руке.

Его интересовала не пропажа. Он спрашивал о совместной работе с вещью, которую считал доступной моей доверительнице.

— Вместе — нет.

— Она вам передавала записи?

— Материалов для такой работы я пока не получил.

— Понятно.

Не удивился. Не стал уточнять, где книжку нашли, у кого она была, каким образом вернулась. Удовлетворился ответом на тот вопрос, с которым, похоже, и пришёл.

Я поставил чашку на блюдце.

— А вам откуда известно, что речь идёт именно об этой книжке?

— Мы занимаемся делом, Денис Борисович. Вы не единственный, кто задаёт вопросы.

Ответ был удобный. К нему невозможно было придраться, но и узнать из него что-либо тоже.

Я помнил, как Михаил Иосифович вынул книжку из саквояжа. Помнил картонную обложку, обычную бумагу в клетку, записи на русском. Тогда она казалась самой понятной вещью среди древних томов. Теперь именно вокруг неё возникало больше всего недоговорённостей.

— Допустим, у меня появятся материалы, — сказал я. — В чём конкретно вы можете помочь?

— Проверить упоминания по нашим учётам. Названия, старые обозначения, сведения о том, куда что передавалось. Иногда человек ищет в одном месте, а документы давно находятся в другом.

— И для этого вам нужен саквояж?

Байтов чуть заметно улыбнулся.

— Для начала достаточно понять, что в нём.

Я сам произнёс это слово. Он воспользовался им немедленно, но без торжества. Просто принял как часть разговора.

— Я говорю о вашем интересе, — уточнил я.

— А я — о возможной работе.

Некоторое время мы молчали. Из приёмной донёсся голос Маши, спорившей с кем-то из-за машины для поездки по области. Байтов повернул голову к двери, потом снова посмотрел на меня.

— Вы же понимаете, что старые бумаги сами по себе мало что объясняют. Нужно сопоставлять. У вас может быть часть сведений, у Розы Александровны — другая. Что-то найдётся у нас.

— Тогда начнём с того, что может найтись у вас.

— Для этого нужен предметный вопрос.

— Я подготовлю. В той части, которую сочту возможным обсуждать с вами. Остальное сначала согласую с доверительницей.

— Разумеется.

Он согласился так легко, что я ещё раз мысленно проверил сказанное. Никаких обязательств передать ему материалы я не взял. Только допустил возможность обращения.

Байтов, очевидно, счёл достаточным и это.

— Мой номер у вас есть, — сказал он, поднимаясь.

— Есть.

— Не откладывайте. Иногда полезнее спросить, чем несколько месяцев ходить по кругу. Я проводил его до приёмной. Майор попрощался с Олей, посторонился, пропуская Костю с коробкой, и вышел.

Вернувшись, я сел за стол.

За весь разговор Байтов ни разу не предложил мне прекратить работу с Розой. Не попытался отговорить от поисков. Напротив, он хотел, чтобы дело двигалось, и предлагал своё участие.

Это было интереснее привычного предупреждения не лезть куда не следует.

Майор выяснил, что записей я ещё не получил. Я выяснил, что он знает об их существовании и рассчитывает на доступ к результатам моей работы. Оба нашли разговор полезным. Оставалось понять, кто получил больше.

На листке, лежавшем передо мной, я записал: «Роза. Книжка. Какие материалы для проверки?»

Потом достал папку Гулари и положил её поверх штабных бумаг.

В начале февраля Соня сообщила о регистрации Хакамады. Кампания переходила к следующему этапу, и работа всё чаще перемещалась между Ростовом и Москвой.

В столице я остановился в гостинице «Россия».

Днём были встречи по штабу, разговоры о людях, расходах и ближайших задачах. К вечеру я вернулся в номер с бумагами, которые следовало разобрать, и желанием некоторое время ни с кем не разговаривать.

За окном — Кремль. Спасская башня. Вид на историю и на мою собственную скромную роль в ней. Всё как полагается.

Я налил виски и встал у окна.

На столе лежала смета. Цифры из неё почему-то запоминались лучше, чем обсуждавшиеся днём политические формулировки. Тираж, транспорт, помещения, оплата работы. Каждое намерение, достаточно долго прожившее на бумаге, в конце концов требовало денег.

Я думал о том, как изящно устроен мир.

Культура, воспитание, образование, философия Гегеля, логика Канта и вообще здоровый образ жизни — всё это прекрасно, пока тебе есть где жить и чем платить за свет. Без денег рассуждения быстро теряют убедительность. Особенно для тех, кому ты должен.

Нет у тебя денег — и вот ты уже не сложная личность с богатым внутренним миром, а экономически бесперспективный гумус.

Неприятно. Зато кратко.

А потом кому-нибудь везёт. Он оказывается в нужном месте, знакомится с нужным человеком, не отказывается от предложения, которое остальные сочли сомнительным. И вокруг его удачи постепенно возникает благоустроенная жизнь: тёплый пол в ванной, кот редкой породы, ребёнок на айкидо и возможность не вздрагивать от каждого телефонного звонка.

Мне хотелось примерно этого. Только, желательно, с правом участвовать в принятии решений.

Я посмотрел на лежащую рядом со сметой папку.

Кузнецов был рад продолжению сотрудничества. Соня рассчитывала на работающий штаб. Роза нуждалась в адвокате и его связях. Байтов предлагал возможности, содержание которых пока не спешил раскрывать.

А я рассчитывал, что сумею сохранить каждый из этих разговоров в тех пределах, которые установлю сам.

Мысль была приятная. Доказательств ей пока не имелось.

Кремль стоял уверенно. Люди менялись, гостиницы сносили, эпохи выходили из моды, а он смотрел на очередную суету с высоты своих стен.

Через пару лет не станет и этой гостиницы. Тогда я этого ещё не знал.

Я ведь уже бывал здесь. В 1975-м. Мне было пять лет. Мы летели всей семьёй из Ростова-на-Дону на Дальний Восток, через Владивосток к бабушке с дедушкой, в их прекрасное село Елизаветовка. Название обещало нечто светлое и благоустроенное. В памяти остались деревянные туалеты, колючая проволока и люди, способные починить паяльником всё — от радиоприёмника до предмета, который вообще не предполагал электричества.

Но в Москве меня интересовало другое.

В гостинице «Россия» был телефон.

Телефон стоял прямо в номере. Можно было поднять трубку, и взрослый человек сообщал тебе время, дату и погоду. Не родитель, не воспитательница — незнакомая женщина в огромном городе, которая знала всё необходимое для нормального существования вселенной.

Я звонил каждый час. Иногда каждые десять минут. Проверял, не изменилось ли что-нибудь без моего участия.

Телефонистка терпела долго.

Потом сказала:

— Мальчик, перестань хулиганить!

Это был мой первый опыт общения с властью.

Она располагала сведениями, которые меня интересовали, но считала, что я слишком часто ими пользуюсь.

Я улыбнулся и повернулся к столу. На нём, рядом с бумагами, стоял гостиничный телефон. За прошедшие годы вопросов у меня стало значительно больше. Службы, которая могла бы на них ответить, в перечне номеров не было.

Тихо пел Синатра. My Way.

Конечно, мой путь. От мальчика, любующегося телефонным аппаратом, до взрослого человека, размышляющего о судьбах цивилизации на фоне штабной сметы, гостиничного мини-бара и папки с делом убитого клиента.

Я допил виски.

Москва спала. Кремль наблюдал. А я думал о главном: кто завтра озвучит атмосферное давление.

Глава 2. Театр теней

Москва. Телецентр «Останкино». Февраль 2004 года

Гримёрка телецентра «Останкино» напоминала арену после дешёвого спектакля. Воздух пропах усталым гримом, кофе из автомата и дежурной суетой. Вокруг зеркала горели лампы, безжалостно высвечивая всё, что в эфире полагалось скрывать: мешки под глазами, следы пудры на воротниках, усталость, не предусмотренную партийной программой. Под столом темнели мокрые следы ботинок. Московский февраль проникал сюда на подошвах — серой кашей, солью и мелкими камешками, которые потом хрустели под ножками кресел.

За дверью ещё переговаривались участники программы. Кто-то требовал машину, кто-то искал помощника, кто-то продолжал спор, уже не рассчитывая никого переубедить. Телевидение не умело останавливаться вместе с камерой. Ему требовалось время, чтобы выпустить из коридоров нагретый воздух чужих убеждений.

Владимир Жириновский положил отключённый микрофон на стол — тот звякнул, как монета, — и откинулся в кресле, глядя в зеркало поверх собственных плеч. Его тень на стене казалась больше, чем он сам.

Позади расположились сын Игорь Лебедев с бумагами и ручкой, Олег Лавров с открытым блокнотом, Алексей Митрофанов, чей смех всегда немного опаздывал, и Владимир Григорьев, чья футбольная статья делала его молчание почти осязаемым.

Жириновский провёл салфеткой по щеке, посмотрел на оставшийся след грима и бросил её в корзину.

— Харитонов, блядь... — протянул он, будто пробуя имя на вкус. — Всё про своё поле, про трактор. А Хакамада? Мечтает о свободе. Свобода, блядь, здесь? У этой страны другой инстинкт — власть, сила. И кто у нас молчит? Малышкин. И правильно. Его молчание громче их болтовни.

Он говорил негромко, с ленивой насмешкой. В комнате не было человека, которому требовалось объяснять, кто здесь главный, и потому голос можно было не повышать.

По комнате разошёлся тяжёлый смех Митрофанова, будто он ловил настроение шефа.

— Только спрашивают всё равно про вас, — заметил он. — Почему не пошли сами.

— Ты им отвечал?

— Отвечал.

— Значит, ещё раз ответишь.

Лебедев подвинул к отцу раскрытую папку. На верхнем листе несколько строк были подчеркнуты ручкой.

Олег Малышкин получил регистрацию ещё восьмого января — первым из кандидатов. Ему не понадобились два миллиона подписей: за ним стояла партия, прошедшая в Государственную думу. Пока другие штабы считали листы и вылавливали ошибки, его удостоверение уже было оформлено.

Однако в папке сейчас лежала бумага, касавшаяся совсем другого человека.

— По доверенному лицу отказ, — сказал Игорь.

Жириновский взял лист за угол.

На нём стояла дата — семнадцатое февраля. Центризбирком отказался зарегистрировать вице-спикера Госдумы доверенным лицом Малышкина, сославшись на ограничения, связанные с государственной должностью. Выступать вместо кандидата на теледебатах ему не позволяли.

Владимир Вольфович дочитал и положил бумагу обратно.

— Олег мне доверяет. Вешняков — нет.

Митрофанов усмехнулся.

— Получается, человек может баллотироваться в президенты, а выбрать, кому доверять, уже не может.

— В суд, — сказал Жириновский, обращаясь к Игорю. — Пусть юристы готовят. Лебедев сделал пометку.

На этом обсуждение отказа закончилось. Ни скомканного листа, ни удара кулаком. Бумага заняла своё место в папке, рядом с другими бумагами, которым предстояло превратиться в звонки, заявления и чужую работу.

— Распределение остаётся прежним, — продолжил Жириновский. — Олег ездит по регионам. Я занимаюсь телевидением и радио. Мы показываем команду, а не устраиваем соревнование, кто из нас чаще попадёт в кадр.

Это распределение он уже объяснял публично: поездки по стране — преимущественно Малышкину, эфиры — себе. Собственное неучастие в выборах кандидатом он связывал в том числе с большей свободой политической полемики. Теперь свобода упёрлась в лист с гербом, и лист следовало передать юристам.

— Команду показываем, — повторил Митрофанов. — А видят одного человека. Жириновский посмотрел на него поверх стакана.

— Алексей, ты сегодня тоже был в телевизоре. Какие претензии?

Митрофанов рассмеялся и откинулся назад. Кресло жалобно скрипнуло.

— Они обвиняют нас в том, что мы десять лет в парламенте сидим без толку, — продолжил Жириновский. — Говорят, мы русских не защищаем. А кто защищает? Эти новые «Родины» и «Автомобильные России»? Николай Павлов из «Родины» ещё на думской кампании говорил, что мы десять лет просидели, а русский народ не защитили. А Ольшанский из «Нового курса»? Борец с финансовыми спекулянтами. Страховки, налоги... Они что, думают, мы не видим, как они пытаются на чужом горбу в Думу въехать? На нашей оппозиционной ниве.

Он подался вперёд, положив локоть на подлокотник.

— У всех вдруг появился народ. У всех — русские. У всех — бедные. Вчера ещё не знали, как к ним обратиться, а сегодня уже защищают.

Лавров поднял глаза:

— Это в ответ на их выступления?

— Это чтобы ты понимал, на что отвечаешь.

За стеной что-то тяжёлое покатило по коридору. Звякнул металл, раздалась приглушённая ругань. Наверное, увозили декорацию, на фоне которой ещё недавно обсуждали судьбу страны. Судьба закончилась, декорацию надо было поставить к стене, чтобы не мешала следующей передаче.

Жириновский дождался, пока шум стихнет.

— Лавров, пиши. Через десять лет в России — одна партия, один вождь, одна правда. Всё остальное вымоют, как грязь с асфальта. Либералы? Кто-то сбежит в Лондон, кто-то сядет, кто-то окажется на чужом телевидении. Их эпоха кончилась, Лавров. Кончилась.

Ручка зашуршала по бумаге.

Он не диктовал лозунг. Не поднимался, не искал глазами воображаемую камеру. Сидел всё в том же кресле, возле всё того же остывшего кофе, и говорил о будущем с такой будничностью, будто обсуждал помещение, из которого скоро вывезут старую мебель.

Митрофанов больше не смеялся.

— Игорь, ты понимаешь? Это не риторика. Это карта будущего. Ходорковский уже под арестом — и это только начало. Олигархов вычистят. Кто не сбежит — сядет. Деньги вернутся государству.

Лебедев положил ручку поперёк бумаг.

— А партии?

— Партии останутся.

— Вы же говорите — одна.

— Я говорю, кто будет решать. Вывески можно оставить.

Лавров остановился на полуслове, затем дописал строку.

Жириновский заметил это.

— Не сокращай.

За зеркалом тихо потрескивала лампа. Одна из многих, ничем не отличавшаяся от остальных, если не считать этого едва слышного сухого звука. Лавров поднял на неё глаза и снова вернулся к блокноту.

Олег Малышкин был кандидатом. Его фамилия стояла в документах, его фотографии готовили для листовок, ему предстояло выходить к людям и отвечать на вопросы. Но в этой гримёрке президентская кампания незаметно отступила на задний план. Разговор шёл уже не о ближайшем голосовании.

На столе у Лебедева лежало расписание до марта. В блокноте Лаврова появлялись строки, которым в этом расписании не находилось места.

— Россия встанет во главе мира, — продолжил Жириновский. — Не за счёт их миллиардов. За счёт силы, армии, закона.

— А Америка? — спросил Митрофанов.

Жириновский повернулся к нему.

— А Америка думает, что будет править вечно. Их доллар? Грязная зелёная бумажка. У нас — Чайковский, Достоевский, душа. У них — барахолка, блядь. Восток — Сирия, Иран, весь арабский мир — поднимется против них. Россия встанет во главе, и мир увидит, кто смеётся последним.

Лавров перевернул страницу.

— Про Восток отдельно?

— Пиши подряд.

Жириновский встал. Не резко — просто отодвинул кресло и прошёл несколько шагов по тесной комнате. В зеркале его фигура оказалась между Лебедевым и дверью. Тень скользнула по стене, на мгновение накрыв лицо Митрофанова.

— Они думают, что война заканчивается, когда берут столицу. А потом начинается то, для чего у них не приготовлено ни речей, ни победных фотографий.

Он остановился возле телевизора. Экран был тёмным.

— Джордж, ты, ковбой... — произнёс он с той знакомой интонацией, которую здесь узнавали раньше, чем заканчивалась фраза. — Твой Запад тонет. Мы поднимем Восток, и ты, Джордж, поедешь на своё ранчо, учить испанский, блядь.

Митрофанов снова хохотнул.

Жириновский обернулся:

— Вот это ты запомнил.

— Конечно.

— А что перед этим говорил?

Митрофанов посмотрел на Лаврова.

Тот не поднял головы.

В коридоре хлопнула дверь.

Андрей Савельев из «Родины», находившийся в соседней гримёрке, появился на пороге. Он не вошёл, остался в открытой двери, за которой продолжали ходить люди.

— Владимир Вольфович, вы когда-то говорили, что Израиль — ваша родина!

Григорьев повернул голову. Лебедев собрал лежавшие перед ним листы в ровную стопку.

Жириновский несколько секунд смотрел на Савельева.

— Вы по этому поводу пришли?

— А вы ответьте.

За спиной Савельева остановились двое. Из соседней комнаты выглянула женщина с пропуском на длинном шнурке. Разговор получил зрителей.

— Я — русский! Моя родина — Россия! — голос Жириновского заполнил дверной проём и ушёл дальше по коридору. — Ты, провокатор, будешь отвечать за свои слова!

Савельев шагнул вперёд.

— Вы опять уходите...

— Вон отсюда!

Жириновский схватил со стола стакан с водой. Лебедев успел перехватить его руку.

— Владимир Вольфович, совещание через пятнадцать минут.

Несколько капель упали на край стола. Лавров отодвинул блокнот.

В коридоре уже говорили громче, спрашивали, что случилось. Кто-то произнёс фамилию Жириновского, и она пошла от двери к двери быстрее любого официального приглашения. Люди оборачивались. У тех, кто торопился, вдруг нашлась свободная минута.

Жириновский поставил стакан.

— Пусть собираются.

Он поправил пиджак, смахнул с рукава невидимую пыль. Когда повернулся к своим, голос снова был ровным:

— Пусть пишут свои методички. Завтра они будут подстраиваться под новые порядки, а мы их уже знаем.

Он вышел первым. Лебедев, Лавров, Митрофанов и Григорьев двинулись следом.

В гримёрке остались запах кофе, скомканные салфетки и мокрый полукруг от стакана. Лампы вокруг зеркала продолжали гореть. Чужая расчёска лежала рядом с листом, на котором крупно было написано: «Регламент».

Слова Жириновского, обращённые будто не к присутствующим, а к самому будущему, ещё держались в этой тесной комнате. Но через несколько минут сюда войдут другие люди, попросят кофе, повернут кресло к зеркалу. Чужая гримёрка. Чужой разговор.

Только Лавров унёс с собой то, что здесь было сказано.

Воспоминания Краевского. Дубай. 2024 год

Тогда, в 2004-м, я не слышал этих слов, сказанных в гримёрке «Останкино». Я, прагматичный юрист, был по уши в кампании Хакамады, в её аргументах, в наших подписных листах, звонках, бесконечных разговорах о том, что необходимо было сделать ещё вчера.

Жириновского я видел по телевизору. Его выступления казались мне частью шоу, устройство которого я уже начинал понимать. Где повесить голос. Когда перебить. Как заставить человека, ненавидящего тебя, весь следующий день пересказывать твои слова.

Это было интересно. Полезно. Применимо.

Я смотрел на него с профессиональным любопытством человека, который только что обзавёлся собственной небольшой сценой и теперь разглядывал чужую. Мой полуподвал, его телевизионная студия. У меня — карта Ростовской области, у него за плечом — страна. Разница в масштабе. Тогда мне казалось, что только в масштабе.

Но годы прошли.

На столе передо мной лежали газетные вырезки, старые записи, раскрытая книга «Последний бросок на юг». Я возвращался к тем же фразам, которые прежде пропускал, ожидая следующей шутки. Об олигархах. О партиях. О Востоке. О том, что привычный порядок вещей однажды перестанет быть привычным.

Раньше я слышал голос. Теперь пытался разобрать слова.

В этом и заключалась неприятность. Шутку легко оставить в том времени, когда над ней смеялись. С утверждением, которое спустя годы вдруг начинает относиться к твоей собственной жизни, так не получается.

Я мог объяснить себе многое. Политический опыт. Информацию, недоступную посторонним. Знание людей и их интересов. Наконец, совпадения — куда без них. В моей профессии совпадение нередко означало только то, что ты ещё не добрался до нужного документа.

Но передо мной лежали документы, а вопросов становилось больше.

Я перевернул страницу и снова остановился на словах о будущем.

Он предвидел направление движения? Знал, кто и когда сделает следующий ход? Или различие между предсказанием и действием существовало только для тех, кто оставался по другую сторону экрана?

В 2004-м я говорил, что играю за идею. Он говорил о хаосе.

И я всё чаще думал: чтобы понять эту историю, мало вспомнить, кто победил на выборах. Нужно услышать то, что оставалось за шумом кампании.

Язык хаоса.

Глава 3. Последние встречи

Воспоминания Краевского. Ростов-на-Дону. Конец февраля 2004 года

С Жекой мы встретились в баре «Кооператор Дона» — договорились пообедать. Мы там встречались часто, потому что это был его бар. Находился он в самом центре Ростова и был для нас неофициальной штаб-квартирой с очень приличной кухней.

Интерьер был очень удобен. Зал не очень большой, светлый, с витринными окнами в пол, выходившими на Ворошиловский проспект, а с противоположной стороны от витрины — три полузакрытые ложи. Из них зал было видно, а сидящие в ложе могли отгородиться лёгкими жалюзи-портьерами, создав для себя определённую зону приватности.

Когда я пришёл, Жека уже был на месте.

— Привет. Ну что, рубанём по соляночке?

— И по соточке.

— Ну, как говорят, «под горячее даже барыня велела». Танюш, организуешь нам как обычно? — кинул Жека подошедшей администраторше.

Я сел напротив.

— Михалыч в изоляторе ФСБ томится. Я попросил Рому Дружинина заняться, — продолжил Жека.

Романа Рудольфовича Дружинина я знал с юридического института то есть больше восьми лет. Он был старше нас и заметно опытнее, так как еще до поступления в институт за его плечами уже был опыт оперской работы. Характер у него был крайне отвратительный, чего он никогда не скрывал, но это никак не мешало нашей многолетней дружбе и наверно благодаря этому позволило впоследствии ему стать легендарным ростовским адвокатом.

— Я переговорил с прокурорскими, но ты же знаешь: там, где фейсы трутся, туда никто не лезет. Поэтому надо подумать, как этот вопрос решить. Формально следствие ментовское, обвинение сейчас по краже, но... ему пока даже формально предъявить нечего, кроме биографии. Заявления о краже нет, предмета хищения нет, к убийству его точно не могут привязать. Пока держат его по беспределу. Раз закрыли, то что-то предъявить надо. Думаю, оптимально будет признать какую-то мелкую кражу и договориться, чтобы отправили в суд, а там — шесть месяцев, и выйдет за отсиженным, — объяснял я Женьку. — Рома эту линию хорошо отрабатывает.

— Ну ладно, Михалычу не привыкать, — хмыкнул Женёк. — Потом оплатим неудобства. Но мне сдаётся, это не самые большие наши проблемы. Пока так и непонятно, кто завалил Гулари и нет ли у него планов на тебя. Потому что ежу понятно: если охотятся за саквояжем, то он у тебя.

— Ну да, неприятно. Но очевидно, что это не гопота подзаборная, а значит, понимают, что в текущей ситуации, с моим статусом доверенного лица кандидата в президенты, меня сильно не пощекочешь. Во всяком случае, пока. Думаю, и фейсы выются тоже не настолько активно, как могли бы. А это значит, у нас есть окно возможностей разобраться с этой хернёй. Я на следующей неделе собираюсь в Москву мотануться. Надо нашу подругу пошевелить.

Таня принесла графинчик, рюмки и тарелку с нарезанным лимоном. Следом появилась солянка. Жека дождался, пока перед нами всё расставят, и прикрыл портьеру.

С первой ложкой горячего жизнь заметно упорядочилась. Избирательная кампания, наследники, спецслужбы — всё немного отступило перед хорошей солянкой. Цивилизация всё-таки не зря прошла такой длинный путь.

Мы выпили, закусили. Жека вытер губы салфеткой.

— Ты у неё, кстати, спроси, сколько это стоит.

— Что?

— Книги. Не в смысле управления вселенной. В деньгах.

— Ты их уже продать собрался? - улыбнулся я.

— Я хочу знать, из-за чего мы тут развлекаемся. Может, там одна книжка стоит больше, чем весь этот бар.

Я посмотрел на него. Вопрос был совершенно нормальный. Даже неприятно нормальный. Я уже успел выяснить, кто жил над квартирой Гутмана, какое отношение семья имела к ребе, почему книги нужны общине и чем интересуется государство. Только обыкновенную цену обыкновенных старых вещей мы так и не установили.

— Ну да. Оценку никто не делал, — сказал я.

— Вот и спроси. А то у них всё святое, у тебя всё интересное, а Михалыч сидит.

Из соседней ложи донёсся чей-то раскатистый смех. В зале звякнула посуда, Таня позвала официанта. Жека на секунду отодвинул портьеру, посмотрел, всё ли в порядке, и вернулся к обеду.

Его спокойствие не было равнодушием. Он уже нашёл защитника, договорился о передаче, выяснил, с кем можно разговаривать. Теперь хотел понимать, что делать дальше. Без разговоров о долге перед человечеством. В его системе координат человечество было слишком большой компанией, чтобы за него отвечать. А вот за своих отвечать следовало.

Я допил рюмку и достал телефон.

— Роме сейчас наберу.

— Набери. Только солянку доешь, а то опять уйдёшь.

Дружинин приехал на следующий день. Кофе принял, от предложенной сигареты отказался и сразу выложил бумаги.

— Ты главное пока ни с кем ничего не признавай, — сказал он. — А то вы с Жекой уже друг друга осудили и освободили. Осталось следователя уведомить.

— Я с тобой для этого и разговариваю.

— Разговаривай. Пока нормально получается.

В материалах по Михалычу обычные вопросы о проникновении перемежались с такими, которые к простой краже имели довольно косвенное отношение. Где нашёл, кому передал, какие книги видел, кто просил их искать. Состав похищенного следствие ещё выясняло, но отдельные предметы, похоже, уже представляло вполне определённо.

Рома вытащил лист с двумя фотографиями.

На одной была книга в тёмном переплёте, на другой — её разворот. Нижний угол обложки срезан, вдоль корешка светлела трещина. На странице возле бурого пятна виднелись косые строки, уходявшие к обрезанному краю снимка.

— Показывали ему на допросе. Спрашивали, видел ли такую.

Я придвинул лист.

— Откуда фотография?

— Не указали. Я попросил указать источник, но ты же понимаешь, что они не обязаны.

— А он что?

— Он “старый волк”. “Не рассматривал”, “не помню”.

Рома отставил чашку. Он не пытался сделать из дела нечто большее, чем мог доказать, но и позволять другим делать из него что угодно не собирался. Меня это вполне устраивало.

Я попросил оставить копию. Похожий переплёт в саквояже был, однако опознавать книгу по общему впечатлению я не стал. Покажу Розе. Она хотела, чтобы я искал историю этих вещей, — вот пусть теперь поможет понять, что за вещь ищут у Михалыча.

Перед отъездом в Москву я заехал к Борисову в прокуратуру.

Олег посмотрел фотографию, поднял материалы осмотра квартиры Гутмана. Такую книгу там не изымали. Снимок к первоначальной фототаблице не относился.

— А теперь скажи, чего ты ищешь, — предложил он, возвращая лист.

— Пока пытаюсь понять, кто что ищет у Михалыча.

— По нему следователь другой. Решения прокурора об объединении пока не было.

— Поэтому и приехал к тебе. У тебя убийство, у него кража, а вопросы почему-то об одних вещах.

Олег взял сигарету, подошёл к форточке.

— Дэн, я не возражаю, чтобы ты приносил мне сведения. Я даже очень за. Но ты всё время приносишь вопросы.

— Работа такая.

— У меня тоже.

Мы усмехнулись. Он был прав, и спорить особенно не хотелось.

По Гурари нового было немного. Людей, видевших его возле кладбища, искали, контакты проверяли. Но между уходом из моего кабинета и смертью всё ещё оставалось слишком много времени, заполненного чужими предположениями.

Я сказал, что встречу с внучкой.

— Вот её и расспроси, — ответил Олег. — Она деда знала дольше нас с тобой. Кто приезжал, с кем он виделся. Не вообще за жизнь. Перед смертью.

Выйдя из прокуратуры, я некоторое время сидел в машине.

Мне казалось, что я уже далеко продвинулся. Международные связи, библиотека Шнерсона, закрытые архивы. А Олег предлагал вернуться к вопросу, с которого начинают обычное убийство: с кем покойный разговаривал перед тем, как его убили.

Неприятно было не то, что он упрощал дело.

Неприятно было то, что я сам почему-то перестал задавать этот вопрос.

Воспоминания Краевского. Москва. Милютинский переулок. Начало марта 2004 года

Московский день прошёл в штабе недалеко от станции метро «Новокузнецкая». Мы обсуждали поездки, эфиры и людей, от которых ожидали значительно больше, чем они собирались сделать. Соня умела извлекать пользу даже из таких разговоров. Я учился.

К вечеру голова гудела от фамилий и обещаний. Из машины вышел с удовольствием. В переулке было сыро, под ногами хлюпала снежная каша. Таксист уверял, что к самому дому не подъехать, хотя стоявший возле входа «мерседес» придерживался другого мнения.

Роза ждала в том же особняке.

Она провела меня в знакомый кабинет. На столе лежала раскрытая папка, рядом — записная книжка. Увидев её, я даже не сразу снял пальто.

Обычный картон. Потёртые углы. Вещь, из-за которой я несколько месяцев мысленно допрашивал неизвестного убийцу.

— Добрый вечер, Денис Борисович. Как идёт кампания?

— Идёт. От президента нас отделяет только мнение населения.

Роза улыбнулась и указала на кресло.

Я сел, положил перед собой папку.

— Давайте сегодня начнём с Вашего деда.

Она немного выпрямилась.

— Что Вы хотите узнать?

— Как к Вам попала книжка?

Роза посмотрела на неё, потом на меня.

— Он оставил её мне.

— Когда встретился после меня?

— Да.

Я взял книжку, перелистнул несколько страниц и закрыл.

Никакой погони. Никакого тайного возвращения похищенного. Старик пришёл к внучке и оставил ей свои бумаги.

Точнее, бумаги, которые только что забрал у меня.

— Он собирался её потом забрать?

— Вечером. Я должна была посмотреть записи.

— Значит, дальше он ушёл уже без неё.

— Да.

Я помолчал. Роза не торопила.

— А я решил, что её забрали те, кто его убил.

— Я Вам этого не говорила.

— Не говорили.

Она сама рассказывала мне осенью, что видела деда после его ухода из моего кабинета. Сам факт встречи не был новостью. Новостью стало то, чего я тогда не уточнил, а она не посчитала нужным объяснить.

Я мог сейчас устроить хороший разговор о доверии между адвокатом и клиентом. С соответствующим выражением лица, с паузами. Только для этого пришлось бы забыть, сколько раз сам пользовался разницей между «не сказал» и «соврал».

— Хорошо, — произнёс я. — Давайте по порядку. Куда он пошёл от Вас?

— На кладбище.

— Сказал зачем?

— Что ему нужно зайти к Оэлю.

— К склепу на Братском кладбище?

— Да.

— Он собирался молиться или с кем-то встречаться?

— Этого не сказал.

Дальше я дал ей рассказать самой.

С её слов Гурари был взволнован. Говорил о найденных книгах, показывал страницы. Несколько раз возвращался к одним и тем же записям, просил проверить сведения, которые раньше не удавалось сопоставить. Он не выглядел испуганным. Скорее торопился, словно наконец получил возможность заняться давно отложенным делом.

Роза помнила, как он поправлял книжку на столе, чтобы не замять обложку. Помнила, что отказался от еды. Точного времени ухода не помнила.

Это была нормальная человеческая память. В ней оставалось то, на что человек действительно смотрел, а не то, что потом понадобится следователю.

— Кто знал, что он пойдёт на кладбище? — спросил я.

— Я не знаю.

— А кто с ним общался в те дни? Кто приезжал?

Роза подвинула чашку к себе, но пить не стала.

— В начале апреля в Ростове было много приезжих и у него было много разных встреч.

— По какому поводу?

— Второго нисана день ухода Ребе Рашаба. Приезжают к нему на могилу. Из разных общин, из других стран.

— А по нашему календарю?

— В прошлом году было четвёртое апреля.

Я посмотрел на свои записи. Между этим днём и убийством прошла неделя с небольшим.

— Люди ведь не обязательно уезжали сразу?

— Конечно. Кто-то оставался по делам, к родственникам.

— Из Ваших родственников кто был?

Она подняла глаза.

— Давид.

— А фамилия у Давида есть?

— Он тоже Гурари по линии Бэрри Гурари который судился с нашей организацией лет двадцать назад.

— Он встречался с Михаилом Иосифовичем?

— Да.

Я ждал продолжения. Роза посмотрела на мою ручку, потом отвела взгляд к книжным полкам.

— Они разговаривали о наследстве.

Вот теперь появился предмет разговора, с которым я умел работать.

Она рассказала мне что Давид приехал на поминание и остался в Ростове на некоторое время. Он знал о смерти Гутмана, о завещании, о том, что Михаил пытается попасть в квартиру. Сначала предлагал помощь. Потом заговорил о судьбе вещей, которые могли там сохраниться.

— Какую помощь? — спросил я.

— Разобраться с документами. Привлечь специалистов. Оценить найденное.

— Оценить для чего?

Роза посмотрела на меня так, будто ответ был очевиден и повторять его не хотелось.

— Для возможного приобретения.

— Им самим?

— Он говорил, что есть заинтересованные люди.

— И дедушка собирался продать им книги?

— Сначала оформить права на то, что осталось у семьи. Давид считал, что с передачей общине спешить не следует.

Я отложил ручку.

О Бэрри Гурари она рассказывала мне здесь же, осенью. Тогда история закончилась победой Хабада в суде: родственник считал книги наследством, организация доказала, что они принадлежат общине. Роза излагала это как завершённый эпизод, подтверждающий правоту её стороны.

Оказывается, судебное решение не погасило семейного интереса. Бэрри и его мама не оставили попыток заработать на наследстве и Давид просто нашёл другие вещи, другой город и другого человека, с которым можно разговаривать.

— Вы слышали эти предложения сами?

— Часть разговора проходила при мне. О другом рассказывал дедушка.

— Почему я узнаю об этом сейчас?

— Потому что дедушка не собирался ничего продавать.

Она произнесла это с уверенностью, которой, видимо, должно было хватить на весь вопрос.

— Роза, я не спрашиваю, собирался ли он продавать. Я спрашиваю, кто хотел купить.

Она замолчала.

— Вы видите разницу? Человек отказывается от сделки. Для него вопрос закрыт. Для того, кто рассчитывал на сделку, — не обязательно.

— Вы подозреваете Давида?

— Я ещё даже не знаю, как он выглядит.

Роза чуть заметно усмехнулась, но веселья в этом не было.

Я не стал давить дальше. Иногда человек начинал рассказывать только после того, как переставал защищать ответ на предыдущий вопрос.

Как она пояснила Давид говорил спокойно, без угроз. Подчёркивал, что действует в интересах семьи. Уверял, что специалисты смогут отделить действительно ценное от всего осталь-

ного. Хабад, по его мнению, хотел забрать всё, не разбираясь, кто и что сохранял, кому это принадлежало и на какие средства.

Розу особенно раздражало именно это.

— Он говорил о дедушке так, будто тот всю жизнь сторожил чужое имущество и теперь хотя бы должен получить деньги.

— А сам Давид что получал?

— Свою возможность распоряжаться.

— Только возможность?

— Я не знаю его договорённостей с покупателями.

Она знала характер родственника, знала, чем он оправдывает собственный интерес, но конкретных условий сделки не видела. И не считала нужным выяснять их, поскольку Михаил отказался.

Для неё всё ещё существовала граница между теми, кто хотел сохранить наследие, и теми, кто хотел на нём заработать. Мне такая граница представлялась слишком удобной. Я достаточно видел людей, которые отлично совмещали оба занятия.

— Сколько могут стоить книги из саквояжа? — спросил я.

Роза посмотрела на меня настороженно.

— Без изучения нельзя назвать цену.

— Хотя бы понять порядок?

— Это зависит от рукописей. От происхождения. От того, чьи пометы, какие тексты сохранились. Для коллекционера собственноручная запись ребе может иметь совершенно другую ценность, чем такой же текст в поздней копии.

Я вспомнил Жеку.

Он всё-таки задал правильный вопрос.

— А Давид знал, что именно находится в квартире?

— Думаю, знал семейные рассказы. Сам саквояж он не видел.

— До того, как его нашли, и дедушка не был уверен, что всё сохранилось.

— Да.

— Тогда он предлагал купить то, существование чего ещё не подтвердили?

— Он предлагал сначала посмотреть.

Знакомая последовательность. Сначала посмотреть, потом оценить, потом помочь оформить. А когда собственник поймёт, что именно у него есть, вокруг уже будут люди, без которых, как ему объяснят, он ничего не сможет сделать.

Я занимался подобными историями. Обычно в них фигурировали земельные участки, доли в предприятиях, помещения. Но заменить помещение старой рукописью было несложно. Человеческий интерес от этого не менялся.

— После того как нашли саквояж, дед встречался с Давидом?

— Я не видела этой встречи.

— А о намерении встретиться говорил?

— При мне имени не называл.

Я записал именно так.

Хотелось соединить всё сразу. Приехавший родственник, отказ от продажи, кладбище. Получалась стройная версия. Достаточно было не заметить, что в середине пока нет нескольких обстоятельств.

С книжкой я уже однажды позволил себе такую роскошь.

— Мне нужны его контакты, — сказал я. — И возможность поговорить с ним без Ваших предварительных объяснений, что именно я собираюсь выяснять.

— Вы не вправе запрещать мне разговаривать с родственником.

— Не вправе. Я прошу не готовить его к моим вопросам.

Роза некоторое время смотрела на меня. Потом кивнула.

— Я найду номер.

На столе между нами лежала записная книжка.

Роза открыла её на странице с несколькими столбцами. Здесь были названия, цифры, русские пометки. Дальше начинались схемы, группы букв, соединённые линиями. В нескольких местах записи продолжались поперёк основного текста.

— Вы осенью сказали, что нашли сведения об убийцах, — напомнил я. — Это были сведения о Давиде?

— Нет. Я не знаю, кто убил дедушку.

— Тогда о чём Вы говорили?

— О том, что обе смерти связаны с поиском архива. Гутману тоже предлагали расстаться с книгами. Дедушка знал об этом. Я была уверена, что он погиб по той же причине.

— А кто предлагал Гутману?

— Этого я пока не установила.

Она не пыталась смягчить ответ. И это было лучше прежней уверенности.

Я посмотрел на раскрытую страницу. Получалось, каждый держал при себе не только свою часть сведений, но и своё представление об их значении. Роза видела борьбу за наследие. Жека — опасность для своих. Олег — два нераскрытых убийства. Я умудрялся видеть сразу несколько перспектив, причём самые приятные неизменно касались моего будущего.

А Михаил Иосифович уже никому ничего не мог объяснить.

Я достал фотографию, полученную от Дружинина.

— Это предъявляли тому, кто достал саквояж из квартиры. Копию передал его защитник. Посмотрите, пожалуйста.

Роза придвинула снимок и сразу вернулась к книжке.

Я не торопил. Теперь её молчание было занято работой.

Она нашла нужную запись, сверила что-то, снова посмотрела на изображение.

— Здесь описан похожий экземпляр. Повреждённый угол, трещина возле корешка. Пометы на обороте сорок седьмого листа.

— Его тоже искал дед?

— Здесь сведения о нём. И о передаче.

Она показала дату и ссылку на акт.

— Государству? — спросил я.

— Да.

Это было интересно уже независимо от Давида. Если переданная книга оказалась в тайнике, следовало выяснить, как она туда вернулась. Если фотографировали другую — кто и зачем показывал её Михалычу. В любом случае появлялись люди, имевшие доступ к вещи раньше нас.

— В Бруклине могут быть её изображения?

— Возможно. Переписка, описания. Нужно запросить.

— Сначала убедимся, что она у нас. Приедете в Ростов, откроем саквояж.

— Можно привезти его сюда.

Я покачал головой.

— В Ростове. У меня там и дело, и люди, которые его нашли.

Она посмотрела на снимок ещё раз и согласилась.

Я сделал копии нескольких страниц книжки. Оригинал Роза убрала в портфель. В Бруклине находилась одна часть архива, у российских спецслужб — другая, у нас с Жекой — отдельно сохранившиеся вещи Гутманов. Книжка помогала устанавливать связи между ними, но не заменяла ни одной из этих частей

И чем яснее становилось это положение, тем понятнее было, почему со мной разговаривают.

Не потому, что я успел постичь тайны мироздания. Просто часть мироздания пока выдавали через меня.

В гостинице я долго не мог заснуть.

На столе лежали привезённые из штаба бумаги и копии из записной книжки. Два рода человеческой деятельности, которые днём удавалось разводить по разным папкам. Ночью они почему-то начинали мешать друг другу.

В одной папке люди считали, сколько голосов можно получить, если сделать определённые вещи. Во второй кто-то тоже что-то считал, соединял и располагал, но последствия этой работы мне объясняли уже совсем иначе.

Считать Розу наивной верующей не получалось. Я видел, как она разговаривает, что замечает, где уступает и где меняет направление беседы. При этом она совершенно серьёзно относилась к тому, что я по привычке называл мистикой.

Может, ей было удобно, чтобы я в это верил?

Конечно.

Но разве удобство убеждения для того, кто его высказывает, автоматически делало его ложным? Я сам зарабатывал тем, что доказывал выгодные клиенту вещи. Иногда они даже соответствовали действительности.

Я налил виски и подошёл к окну.

Москва жила внизу, не интересуясь нашей коллекцией. В освещённых окнах сидели люди, уверенные, что завтра будет продолжением сегодня. Я сам строил на этом всю работу. Планировал встречи, принимал обязательства, распоряжался деньгами, которых ещё не получил.

Будущего вроде бы не существовало, но деловых отношений с ним у меня было больше, чем с некоторыми живыми людьми.

Откуда бралась эта уверенность? Из опыта. Из повторяемости. Из способности видеть связь между тем, что уже произошло, и тем, что, скорее всего, произойдёт.

А если связь существовала независимо от того, насколько хорошо я её видел?

В этом не было ничего особенно страшного. Неприятное начиналось дальше: если моё сознание способно эту связь обнаружить, почему я заранее отводил ему только роль наблюдателя? Сам-то я находился где? За пределами мира, с ручкой и блокнотом?

Мысль была дерзкая. Тем она мне и нравилась.

«Математика — язык Бога». Не красивая надпись над кабинетом школьного учителя, а возможность того, что устройство мира можно понять иначе, чем по рассказам его обитателей. И что мысль человека — не случайный шум поверх этого устройства, а тоже что-то в нём меняющее.

Я вспомнил, как мы с Жекой смотрели Жириновского. Русские учёные, гравитация, Америка под водой. Женёк смеялся, а я с удовольствием объяснял ему, как устроено управление массовыми эмоциями. Мне нравилось быть человеком, который понимает, что скрыто за представлением.

Но я ведь объяснил, зачем Жириновский так говорил.

Не объяснил, откуда он это взял.

До сих пор считал, что второго вопроса вообще не требуется.

Я вернулся к столу. На одной из копий повторялись знаки, которые сперва показались мне небрежными рисунками. Теперь я уже не был уверен, что понимал даже назначение этой страницы.

Из такого состояния можно было сделать два вывода. Первый: всё это чушь, пора ложиться спать. Второй: я ещё не знаю, что передо мной.

Второй был значительно интереснее.

Воспоминания Краевского. Ростов-на-Дону. Начало марта 2004 года

Роза приехала через несколько дней. Утром я отвёз её к Борису, где она подробно рассказала о последней встрече с дедом и передаче книжки. Олег записал сведения о Давиде, уточнил, что Роза слышала сама, а что узнала со слов Михаила.

Я присутствовал и старался не помогать ей отвечать.

Это оказалось полезно. Стоило перестать достраивать за собеседника, как в рассказе появлялись места, которые нужно было выяснять, а не объяснять.

Вечером мы собрались в «Ювенале».

Жека привёз саквояж от Евцова. Где тот его держал, не говорил. Я не спрашивал. Роза знала, что ей дадут работать с книгами, но адрес хранения не входил в наше соглашение.

Саквояж открыли на столе, сдвинув штабные бумаги. Изнутри потянуло старой кожей и сухими травами. Я уже привык к мысли о его содержимом, но всякий раз, когда поднималась крышка, вспоминал лицо Михаила Иосифовича.

Роза достала тёмный том. Я положил рядом фотографию.

Совпадали срезанный угол и светлая трещина. На нужном развороте оказались те же косые строки, пятно и надрыв. Теперь можно было сравнивать не похожие книги, а признаки определённого экземпляра.

— Вот этот? — спросил Жека.

Роза кивнула.

Он посмотрел на меня.

— Значит, кто-то его уже снимал.

— Значит, кто-то снимал книгу с этими же повреждениями.

— Ты мне по-человечески скажи.

— По-человечески — да. Надо выяснить кто.

Роза наклонилась над нижним полем. На копии оно было обрезано, а здесь запись уходила почти к самому краю.

— Это тоже снимите.

— Крупно?

— И крупно, и вместе со страницей.

Я взял фотоаппарат. Жека подвинул лампу, потом стал придерживать её, чтобы свет не бил прямо в объектив. На одном кадре осталась его рука.

Снимков получилось несколько: переплёт, разворот, пометы, соседние страницы. Не весь саквояж. Нам нужен был ответ о конкретной книге и о тех, кто прежде ею занимался.

Роза сняла копию соответствующей записи из книжки и забрала фотографии для отправки в Бруклин. Я попросил искать не только акт передачи, но и переписку, в которой этот экземпляр упоминался.

— С приложениями, — добавил я. — Фотографии ведь обычно с чем-то присылают.

Она согласилась.

По обозначению книги я подготовил вопрос Байтову. Он предлагал возможности своего ведомства — теперь у меня было что спросить. Розе я об этом сказал.

Когда она уехала, Жека собрал вещи обратно.

— С родственником что?

— Достанет контакты. Зовут Давид. Хотел книги купить через каких-то людей.

— Ну вот, — сказал Женёк. — Уже интереснее. А ты всё про управление хаосом.

— Одно другому не мешает.

— Это да. Особенно когда с деньгами.

Он захлопнул замки.

Я проводил его, вернулся в кабинет и набрал Борисову. Сказал, какие сведения Роза обещала передать о приезжавшем родственнике. Теперь в разговорах о последнем дне Михаила появился человек, которого можно было искать.

Не неизвестная сила. Не «другая сторона».

Пока только имя.

Ростов-на-Дону. Региональное управление ФСБ. Следующий день

Роза положила перед Байтовым конверт с фотографиями.

— Этот том находится в саквояже. Я его видела.

Майор вынул снимки. На одном возле раскрытой книги темнело основание настольной лампы, чья-то рука удерживала провод. Байтов остановился на нём чуть дольше, затем перевёл взгляд на следующую фотографию.

— Состав всего содержимого?

— Подробно занимались одной книгой.

— Где теперь саквояж?

— Пахин увёз.

Роза сказала это таким тоном, что вопрос о месте хранения майор повторять не стал.

Она рассказала, как изображение попало к Краевскому: через защитника задержанного, из материалов допроса. Адвокат выяснял происхождение снимка. Краевский — прежние контакты погибших.

— Он спрашивал о Давиде? — уточнил Байтов.

— Теперь спрашивает. И я хотела бы знать, что удалось выяснить Вам.

Майор отложил фотографию.

— Пока недостаточно, чтобы делать выводы.

— Я и не прошу выводов. Я прошу сведения.

Он посмотрел на неё. Раньше Роза чаще приносила вопросы об архиве. Теперь разговор всё настойчивее возвращался к людям.

Байтов открыл другую папку.

— По книге ответ пришёл.

В выписке стоял тот же шифр. Рукопись числилась в московском хранилище. Ниже были указаны недавняя выдача для работы и возвращение.

Роза прочитала даты, затем ещё раз сверила обозначение.

— Это когда оформляли?

— Недавно.

— Я спрашиваю, книгу кто-нибудь видел?

— Проверяют.

Она придвинула ростовский снимок к выписке.

— Я видела. И держала в руках. Попросите их сделать то же самое.

Байтов не стал возражать. В бумаге не было ничего необычного, кроме того, что рядом с ней лежала фотография вещи, находившейся в другом городе.

— Краевскому об этом пока не сообщайте.

Роза подняла голову.

— Он сам спрашивал, где книга.

— Поэтому сначала разберёмся, что ему отвечать.

Она убрала свои копии.

— А с Михалычем?

— Его делом занимается следователь.

— Игорь, рукопись Вы теперь увидели. На фотографии. Он больше всё равно не расскажет.

— Я доложу Маслову о результате.

Роза встала. У двери майор спросил, что она собирается направить в Бруклин.

— Снимки. Запись из книжки. Запрос документов о передаче.

— Московскую выписку?

— Сначала выясните, к чему она относится.

В гостинице Роза открыла письмо, адресованное в Бруклин, и прикрепила фотографии.

Экземпляр обнаружен. Повреждения переплёта и пометы соответствуют описанию. Нужны документы о передаче, приложения к описи и сохранившаяся переписка. По возможности — сведения о людях, непосредственно работавших с этой рукописью.

В конце она дописала:

«До получения документов прошу не настаивать на перемещении книги».

Эту просьбу придётся объяснять. Роза знала, что после подтверждения находки от неё потребуют уже не фотографий.

Она перечитала письмо. На столе рядом с компьютером лежала записная книжка, которую дед оставил ей в последний день своей жизни. Роза закрыла её и отправила сообщение.

О том, что неделю назад эту же книгу выдавали для работы в Москве, она не написала.

Глава 4. Право хранить

Бруклин, Нью-Йорк. 770 Eastern Parkway. Начало марта 2004 года

Алан Шор привёз в Бруклин мокрый зонтик, кожаный портфель и заранее придуманную победу.

Зонтик он оставил секретарю. Портфель поставил на стол. Победу извлёк из него сам — два листа с наброском заявления для прессы.

— Пока без фамилий, — предупредил он, подвигая бумаги Йехуде Кринскому. — Фамилии добавим, когда выясним, кто из ваших оппонентов больше остальных заслуживает бессонной ночи.

За окнами серел мартовский Бруклин. Вода стекала с подоконников, ветер швырял дождь в стёкла, на тротуаре мужчины в длинных пальто обходили лужу, которая с каждой минутой приобретала всё более убедительные права на проезжую часть. Нью-Йорк просыпался недовольным, дорогим и уверенным, что все его неудобства объясняются исключительно мировой значимостью.

В здании на Истерн-Паркуэй утро шло своим чередом. Из соседнего помещения доносился спор над раскрытой книгой, в коридоре торопились люди, пахло выпечкой и мокрой шерстью. Шор успел столкнуться у лестницы с мальчиком, который нёс стопку учебников и смотрел поверх неё с отчаянным достоинством человека, не желающего просить помощи.

Адвокат подхватил верхние два тома.

— Куда доставить?

Мальчик показал на дверь.

— Обычно за это я выставляю счёт, — сообщил Шор, возвращая книги уже в комнате. — Сегодня у вас редкая возможность не стать моим клиентом.

Мальчик не понял, но поблагодарил.

В зале заседаний шутке не нашлось даже такой скромной аудитории.

Кринский читал заявление. Авраам Шемтов разглядывал фотографии из Ростова. Ицхак Мендельсон следил за Шором с выражением человека, чьи худшие предположения наконец получили приличный костюм и вошли в дверь.

На столе лежал снимок тёмного тома.

Старая кожа, потемневшие замки, книги, переложённые листами бумаги. Ничего, что могло бы заинтересовать посетителя аукциона с первого взгляда. Ни золота, ни камней, ни пышного переплёта с гербом исчезнувшей династии. Только ветхой книги на столе провинциального адвоката.

Шор знал цену таким вещам.

Чем беднее выглядел предмет спора, тем сильнее приходилось объяснять публике, почему за него сражаются. Но если объяснить правильно, потёртая книга могла оказаться дороже нефтяной скважины. Скважина давала деньги. Книга — право публично назвать противника вором.

Кринский положил заявление.

— Мы пригласили Вас обсудить находку, Алан. Не объявить о ней.

— Поэтому я здесь, а не перед телекамерами.

— Ваша бумага говорит об обратном.

— Моя бумага пока разговаривает только с Вами. Это самое безопасное положение, в котором она когда-либо окажется.

Шор сел, расстегнул пиджак и придвинул фотографию.

Несколько месяцев дело о библиотеке обрастало перепиской. Оно стало солидным, объёмным, международным — приобрело все признаки процесса, который способен кормить юри-

стов дольше, чем живут некоторые свидетели. Алан получал ответы, не содержащие ответов, изучал документы, отсылавшие к другим документам, и постепенно начинал подозревать, что на другом конце этой бумажной верёвки никто ничего не держит.

Теперь верёвка дёрнулась.

Из Ростова пришла фотография конкретной рукописи. Та же книга фигурировала в старых материалах, присланных из государственного хранилища. Совпадали повреждения переплёта, пометы, пятна. В распоряжении Шора впервые появилось не общее требование вернуть наследие, а неудобный вопрос, который можно было задать определённому человеку.

Куда делась именно эта книга?

И почему её обнаружили там, где её, согласно прежней переписке, быть не должно?

— Вы понимаете, что это даёт? — спросил он.

— Возможность вернуть часть библиотеки, — ответил Кринский.

— Возможность заставить их перестать отвечать о библиотеке вообще. Библиотека — прекрасное слово, за ним можно спрятать полмиллиона томов и десять министерств. А здесь один переплёт со срезанным углом. Его либо держали в руках, либо нет.

Он постучал по фотографии.

— Мне нужен человек, который его держал.

— Нам нужна сама рукопись, — отозвался Мендельсон.

Шор повернулся к нему.

— Прекрасно. Значит, у нас появилось разделение труда.

Мендельсон не улыбнулся.

Шмуэль докладывал стоя. В его изложении ростовская история выглядела почти благополучно: Роза получила доступ, Краевский согласился на сверку, индивидуальные признаки совпали. Работа продолжалась.

Слова были верными. Только между ними оставались промежутки, в которые легко помещались чужие намерения.

Мендельсон первым ткнул в один из них:

— Почему Роза не забрала саквояж?

— Краевский не согласился на передачу.

— Он наш адвокат или наш тюремщик?

— Он адвокат Розы, — поправил Шемтов. — И пока единственный человек, через которого у неё есть доступ к находке.

— Мы платим ему за то, чтобы он выдавал нам наши книги по одной?

Шор поднял глаза. До этой минуты он лениво поворачивал снимок, рассматривая край стола, случайно попавший в кадр. Теперь положил фотографию ровно.

— За что именно Вы ему платите?

Шмуэль перечислил: наследство, представительство по делу об убийстве, поиск документов, установление судьбы архива.

— Тогда он занимается тем, за что ему платят.

— Вы его даже не знаете.

— Я знаю профессию. Иногда этого достаточно, чтобы не требовать от коллеги изображать грузчика.

Кринский посмотрел на Шора предупреждающе. Тот заметил взгляд, но останавливаться не собирался. Его раздражали клиенты, которые нанимали адвоката пробиваться через чужие запреты, а затем обижались, обнаружив у него собственную волю.

Шмуэль продолжил. Рассказал о фотографии с допроса, о защитнике Михалыча, о том, как изображение попало к Краевскому.

Шор перестал улыбаться.

- Этот человек сейчас где?
- Под стражей.
- Тот, который нашёл саквояж?
- Да.
- Давно?

Шмуэль назвал время.

Алан откинулся в кресле. Несколько секунд смотрел на собравшихся, словно проверял, не пропустил ли очевидную шутку.

— Двое убиты. Третий сидит. Четвёртый хранит вещи, из-за которых все остальные оказались в таком положении. И Вы недовольны, что четвёртый не торопится отправить Вам чемодан?

- Не надо приписывать нам равнодушие, — сказал Мендельсон.
- Я пока приписываю вам только странную систему приоритетов.
- А Вы собирались сделать из этого газетный заголовок!

На этот раз Шор промолчал.

Мендельсон встал. В его движении было больше гнева, чем торжественности. Он подошёл к двери и приоткрыл её. В зал ворвался обычный шум здания: шаги, голоса, чей-то настойчивый вопрос, короткий смех.

— Слышите? — спросил он. — Такие же люди живут в Москве. В Ростове. В других городах. Вы выступите перед камерой, вернётесь в свой кабинет и будете ждать реакции. А они останутся там, где эта реакция начнётся.

Он закрыл дверь.

Кринский смотрел на него молча. Этот спор они вели уже не первый год. Менялись обстоятельства, документы, имена посредников, но доводы оставались на своих местах, как старые солдаты на давно забытой войне.

Шор протянул руку и забрал со стола своё заявление для прессы.

Не смял. Не разорвал. Аккуратно сложил и убрал в портфель.

— Хорошо, — сказал он. — Сначала выясним, чем располагаем. Но предупреждаю: молчание тоже не выдаёт страховку на жизнь. Ваши погибшие друзья тому подтверждение.

Мендельсон вернулся на место. Он выиграл этот короткий спор и выглядел человеком, которому победа не принесла никакого удовольствия.

У дальнего края стола Рувен Лейбович раскрыл папку.

— Тогда начнём с этого.

Он положил перед Шором письмо Аарона Гутмана.

Алан прочитал его быстро, затем вернулся к подчёркнутому абзацу.

Гутман просил прислать полное изображение оборота сорок седьмого листа. И установить, кто осматривал рукопись, кто готовил фотографии.

Дата — январь 2003 года.

Шор посмотрел на старый снимок, потом на новый, ростовский.

На первом нижний край страницы обрезают. На втором три косые строки были видны целиком.

— Вы ответили ему?

— Мы повторили запрос в Москву. Получили обещание подготовить дополнительные материалы.

— Имя?

Рувен достал ещё один лист.

— Здесь. Техническое приложение хранилось отдельно от снимков. Составитель фототаблицы — С. Ковалёв.

Шор придвинул бумагу ближе.

Имя не произвело впечатления на остальных. Обыкновенная фамилия, каких в России должно было быть достаточно для заселения небольшого города. Но для Алана она меняла дело сильнее, чем все рассуждения о священном наследии.

До сих пор они спорили с государством.

Теперь появился человек, которому можно задать вопрос и заметить, как он ответит.

Руven закрыл папку не сразу.

— Есть причина, по которой Гутман добивался именно этой части страницы.

Шор поднял глаза.

— Какая?

— Там указано условие работы с текстом. На старом снимке его почти не видно.

— Ошибка фотографа?

— Возможно.

— А возможно?

Йосеф Бен-Шимон, до сих пор молчавший, повернул к себе ростовский снимок.

— Лучше я покажу.

Бруклин. Хранилище фонда. Тот же день

Спускаясь в хранилище, Шор ещё рассчитывал закончить визит до обеда.

К этому часу в его голове уже складывался новый ход. Старую московскую фототаблицу следовало использовать против людей, которые сами её предоставили. Не объявлять о ростовской находке, не называть Краевского, не выкладывать в прессу ростовские снимки. Задать вопрос о составе прежних материалов. Попросить организовать беседу с указанным специалистом. Получить ещё один ответ — желательно подписанный.

Любая государственная машина состояла из людей, старавшихся не отвечать за соседний стол. Если найти правильный вопрос, они начинали указывать друг на друга. Алан ценил этот момент почти так же высоко, как удачный перекрёстный допрос.

В хранилище его расчёты начали остывать вместе с руками.

Здесь пахло старой кожей, пылью и чем-то сухим, горьковатым. Стеллажи уходили за пределы освещённого пространства. Корешки книг стояли ровными рядами, словно люди, которые пережили достаточно катастроф, чтобы больше не тратить силы на разговоры.

Рядом с рабочим столом теснились приборы. Провода, монитор, металлические стойки — оборудование, которому не нашлось бы места на благочестивой фотографии для благотворительного буклета.

— У Вас здесь реставрационная мастерская? — спросил Шор.

— В том числе, — ответил Руven.

Алан запомнил ответ. «В том числе» было одной из самых полезных фраз в его профессии. Обычно после неё начиналось настоящее содержание беседы.

Йосеф достал из отдельного шкафа книгу в чёрной коже. На переплёте едва различался круг, пересечённый линиями.

Это был другой том. Не тот, который Роза фотографировала в Ростове. Его привёз Ицхак Гурари-Мендель ещё прошлым летом, и с тех пор Руven много раз возвращался к нему — с приборами, с расчётами, с решимостью объяснить то, что однажды уже произошло у него на глазах.

Он понимал архивную бумагу лучше, чем собственное сердце. Умел по повреждению листа восстановить историю сырого шкафа, по чернилам — отличить позднюю помету, по переплёту — заподозрить перемещение тетрадей. Но после августа его аккуратный мир дал трещину.

Часы тогда показывали разное время.

Не испортились. Не остановились.

Разошлись.

С тех пор мысль о случившемся тянула его сильнее страха. Ужас можно было пережить. Непонимание — приходилось выносить каждый день.

Йосеф раскрыл книгу и положил рядом ростовский снимок.

— Здесь описана часть той же последовательности, — сказал он. — Помета на полях отсылает к условиям, без которых её нельзя повторять.

Шор наклонился. Для него обе страницы оставались скоплением незнакомых знаков. Красивых, древних, совершенно непригодных для цитирования в суде.

— Переведите.

Йосеф взял чистый лист и написал несколько слов по-русски, затем пояснил по-английски.

Не повторять действие, пока не проверена другая часть.

— Что за действие?

— Мы ещё не восстановили всю последовательность.

— Зато уже знаете, что её нельзя повторять.

Йосеф посмотрел на него.

— Для запрета прыгать с крыши необязательно знать устройство человеческого скелета.

Шор невольно улыбнулся.

— Это Вы напрасно. У меня в кабинете есть прекрасный скелет. Пока ни одной жалобы.

Кринский, стоявший возле стола, не поддержал шутку.

Рувен включил прибор. На мониторе появилась тонкая светлая линия. Алан ожидал долгого рассказа о возрасте бумаги, особенностях пигмента, методах спектрального анализа. Всё это ему уже приходилось слушать в делах, где эксперты объясняли за три часа то, что хороший свидетель мог испортить одним предложением.

Но Рувен не начал лекцию.

Он смотрел на экран.

Линия дрогнула.

Йосеф положил ладонь на край стола. Не на книгу — рядом. Кринский заметил это движение.

— Что?

— Подождите, — сказал архивариус.

В помещении ничего не изменилось. Горели лампы, работала вентиляция, в коридоре кто-то прошёл мимо двери. Именно эта обыденность потом особенно запомнилась Шору. Не было ни грома, ни театральной темноты, ни удобного предупреждения, после которого разумный человек успевает уйти.

Короткая группа знаков в начале строки начала бледнеть.

Сначала Алан решил, что на страницу падает тень. Он машинально отодвинулся. Свет остался тем же.

Чернила медленно теряли цвет.

Рувен резко потянул к себе камеру. Провод зацепился за край папки, папка упала, листы рассыпались по полу. Он даже не посмотрел вниз.

— Не заслоняйте.

Шор отступил ещё на шаг.

Остальные буквы оставались чёрными. Исчезали только несколько знаков — маленькая, почти ничтожная часть строки. Бумага под ними выглядела обычной: желтоватой, шероховатой, со старыми волокнами. Ни дыма, ни ожога. Слово словно медленно уходило вглубь листа.

Йосеф подался вперёд, потом заставил себя остановиться.

— Рувен. Закройте.

— Секунду.

В голосе архивариуса прорезалось такое нетерпение, что Шор посмотрел на него уже с другим интересом. Перед ним больше не было усталого хранителя. Старик ловил добычу. Тот самый момент, которого ждал месяцами, наконец оказался под объективом, и сейчас его пытались отнять.

— Закройте книгу, — повторил Кринский.

Камера щёлкнула.

Последний знак истончился и исчез.

Йосеф накрыл страницу плотным листом, затем осторожно сомкнул переплёт. Рувен открыл рот, собираясь возразить, но замолчал под его взглядом.

Несколько секунд никто не двигался.

Алан слышал собственное дыхание. Ему это не нравилось. Слишком отчётливое, чужое, как после неожиданного удара.

Он указал на перевод.

— Что исчезло?

Йосеф посмотрел на написанные им слова.

— Отрицание.

Шор перевёл взгляд на закрытую книгу.

Ещё минуту назад текст запрещал повторение. Теперь, если верить человеку напротив, запрета не было.

Алан привык к тому, что из документов исчезали важные слова. Их вычёркивали на переговорах, меняли в проектах соглашений, теряли при копировании. Обычно за этим стоял человек со счётом в банке и достаточно хорошей памятью, чтобы потом ничего не помнить.

Здесь человека не было.

Во всяком случае, Шор его не видел.

— Как Вы это сделали? — спросил он.

Рувен опустил камеру.

— Мы не делали.

Ответ был слишком простым для сцены, которая только что произошла.

Шор посмотрел на Кринского. На Йосефа. На приборы.

Если это представление, клиенты наняли выдающихся исполнителей.

Но Кринский смотрел не на него. Он смотрел на Рувена — с гневом, который совсем не походил на удовлетворение удачной демонстрацией.

Мендельсон пришёл через несколько минут. Ему не понадобилось длинного объяснения. Он увидел раскрытую папку на полу, камеру в руках Рувена, лицо Йосефа.

— Вы снова начали?

— Мы ничего не произносили, — ответил Рувен. — Только сравнивали.

— В прошлый раз Вы тоже сравнивали!

Архивариус резко повернулся к нему.

— И что Вы предлагаете? Запереть шкаф? Сделать вид, что в Москве никто ничего не читает, потому что мы здесь решили не смотреть?

— Я предлагаю не путать любопытство с правом.

Это попало точно.

Рувен сжал камеру так, что побелели пальцы. Он мог спорить об измерениях, об условиях наблюдения, о необходимости знать противника. Но Мендельсон назвал то, что сам архивариус предпочитал прятать за научными словами.

Ему хотелось ещё раз.

Ещё раз увидеть, зафиксировать, понять, почему исчезли именно эти знаки. Открыть книгу и узнать, сохранился ли результат. Проверить соседнюю страницу. Наконец, попытаться вызвать ответ сознательно.

От этой мысли ему одновременно становилось стыдно и жарко.

Кринский забрал со стола ключ.

— Сегодня больше никаких наблюдений.

Рувен посмотрел на его руку.

— Вы можете закрыть наш шкаф. Не их.

— Поэтому мы должны вернуть остальные части.

Йосеф поднял голову.

— Вернуть — чтобы что?

Кринский замер.

— Сохранить.

— Тогда не требуйте от нас доказать, что мы умеем ими пользоваться.

В прохладном помещении стало тесно. Не от числа людей — от того, что каждый вдруг увидел в намерениях другого не совсем то, что привык слышать в его словах.

Для Кринского собрание архива оставалось долгом, за который он отвечал перед живыми и мёртвыми.

Для Мендельсона попытка распорядиться этим знанием уже сама по себе могла оказаться изменой этому долгу.

Рувен хотел понять.

Йосеф слишком хорошо помнил август, чтобы считать понимание гарантией безопасности.

Алан Шор стоял рядом с ними и впервые за долгое время не знал, какой вопрос следует задать первым.

Из коридора донёсся детский смех.

Звук прошёл сквозь дверь неожиданно легко. В нескольких метрах отсюда люди продолжали жить, не подозревая, что рядом только что исчезло маленькое слово, от которого зависел смысл запрета.

Шор нагнулся и поднял упавшую папку. Собрал листы — неловко, без своей обычной ленивой грации. Встал и положил их на стол.

— Мне нужны документы о происхождении снимков. Письмо Гутмана. Фамилия этого Ковалёва.

Кринский повернулся к нему.

— Теперь Вы понимаете, почему мы не можем отдать это дело посторонним?

Алан посмотрел на книгу.

— Теперь я понимаю, почему нельзя вести его с завязанными глазами.

Он говорил тихо. Театральности в голосе почти не осталось, но уступки — тоже.

— Фотографии текста ни в какую газету не пойдут. Местонахождение саквояжа мы не называем. Но я не буду писать очередное почтительное письмо с просьбой проявить добрую волю. Нам нужен человек, который работал с рукописью.

Шмуэль, стоявший в дверях, спросил:

— А если он откажется говорить?

На лице Шора впервые после спуска в хранилище появилась знакомая усмешка.

— Тогда хотя бы выясним, чего он боится. Это значительно полезнее очередной справки о реставрации.

Вашингтон, округ Колумбия. Офис «Shore, Kingsley & Partners LLP». Следующий день
Скелет в судейской мантии встретил Алана с прежней безупречной выдержкой.

Шор остановился возле него, бросил портфель на кресло и некоторое время смотрел в пустые глазницы.

— Тебе хорошо. Самое неприятное уже случилось.

Джерри поднял голову от бумаг.

— Как прошла встреча?

— Содержательно.

— Они передадут материалы?

— Передадут. И у нас появился человек, которого надо найти.

Алан прошёл к бару, достал стакан, но бутылку не открыл. Поставил её обратно.

Джерри заметил это и перестал листать документы.

В кабинете всё оставалось прежним: дорогая кожа, гладкая поверхность стола, картины, за которые было неудобно спрашивать цену. За окном располагался Вашингтон — город, где любая катастрофа рано или поздно превращалась в полномочия, бюджет и выступление человека, утверждавшего, что он предупреждал.

Шор всегда чувствовал себя здесь дома.

Сегодня ему мешал лист бумаги из Бруклина.

Обычная распечатка. Копия снимка, сделанного Рувеном за несколько секунд до того, как знаки исчезли. На ней отрицание ещё было видно.

Алан положил её в отдельную папку.

Не для суда.

Пока — для себя.

— С. Ковалёв, — сказал он, передавая Джерри технический лист. — Составитель московской фототаблицы. Нужны полное имя, место работы и человек, который может организовать разговор с ним.

Джерри пробежал глазами.

— Запрос направляем по прежнему адресу?

— Да. Ссылаемся только на их собственные материалы. Никакого Ростова, никаких новых фотографий. Мы просим уточнить, кто работал с указанным экземпляром и почему изображение страницы неполное.

— А заявление для прессы?

Шор открыл портфель, достал два листа и провёл ручкой длинную черту поперёк заголовка.

— Подождёт.

Джерри смотрел на него.

— Алан, что там произошло?

Шор сел.

Рассказать было можно. Произнести всё вслух: древняя книга, исчезнувшее слово, приборы, люди, которые сами испугались увиденного. Он уже слышал, как это будет звучать в собственном исполнении. Прекрасная история после третьего стакана. Особенно если убрать фамилии.

Но рассказывать Джерри байку ему не хотелось.

— Я увидел кое-что, чего пока не могу объяснить.

Младший партнёр не нашёлся с ответом.

Шор посмотрел на перечёркнутый заголовок.

Он не разлюбил публичные войны. Не стал осторожным человеком, не разочаровался в собственной способности превратить слабое дело в сильное. Наоборот — дело наконец ожило.

Но теперь его занимало не только то, что произойдёт после публикации.

Впервые он всерьёз задумался, что противник успеет сделать, пока они готовят публикацию.

Москва. Большая Никитская улица. Кабинет Анатолия Воробьёва. Несколько дней спустя

Письмо Алана Шора поступило вместе с обычной почтой.

Помощник положил его на край стола, где уже лежали обращения, приглашение на конференцию и служебная записка о ремонте. Воробьёв собирался отправить всё это по привычным направлениям, не позволяя чужой срочности испортить собственное утро.

Фамилию отправителя он узнал сразу.

Американский адвокат снова хотел разговаривать.

Воробьёв прочитал первый абзац с терпением человека, которому предлагают в сотый раз выслушать жалобу на одну и ту же погоду. Потом дошёл до имени составителя фототаблицы.

Вернулся к началу.

В письме не было ни возмущения, ни требований исторической справедливости. Не упоминались телевизионные камеры, общественное мнение, позор ядерной державы. Шор просил организовать беседу с конкретным специалистом.

И приложил копию старого листа.

Воробьёв нажал кнопку вызова.

— Витя. Кто отправлял им этот комплект?

Помощник подошёл, наклонился к бумаге.

— Нужно поднять переписку.

— Поднимите.

— Подготовить ответ, что специалист...

— Ответ пока не готовить.

Витя выпрямился.

Начальник управления взял внутреннюю трубку.

С просьбами вернуть библиотеку можно было работать годами. Просьба поговорить с Ковалёвым имела другую природу. Американец перестал стучать в парадную вывеску учреждения и назвал человека, которого за этой вывеской показывать не собирались.

Воробьёв дождался соединения.

— Передайте Орлову: Шор спрашивает о вашем специалисте. Да. Именно о нём.

Москва. Третье хранилище. Вечер

Сергей Ковалёв узнал свою подпись раньше, чем прочитал письмо.

Она стояла внизу фототаблицы — размноженная, чёрная, слегка расплывшаяся. Подпись из той части его жизни, где работа с рукописью ещё называлась подготовкой изображений, а на вопрос о занятиях можно было ответить без паузы.

Генерал Орлов положил рядом другую папку.

— Это пришло из Ростова.

Ковалёв открыл её.

Первый снимок показывал тёмный переплёт со срезанным углом. Второй — оборот сорок седьмого листа. Бурое пятно, старый надрыв, три косые строки на полях.

Возле книги виднелась чужая рука, придерживавшая настольную лампу.

Ковалёв поднялся так резко, что стул ударился о металлическую стойку.

Елена, работавшая за соседним столом, обернулась.

Он не объяснил. Подошёл к шкафу, вынул коробку с рукописью и перенёс её под свет.

Та же тёмная кожа.

Тот же срезанный угол.

Он открыл книгу на нужном месте. Положил рядом ростовскую фотографию.

Елена подошла ближе. Некоторое время они оба молчали.

Выписку из учёта, которую раньше получил Байтов, подписывали не вслепую. Книгу действительно выдавали для работы. Действительно возвращали. Она находилась здесь.

И всё-таки человек в Ростове сфотографировал её на другом столе.

— Кто сделал снимок? — спросил Ковалёв.

— Через адвоката Краевского, — ответил Орлов. — Подробности устанавливают.

Ковалёв наклонился к нижнему полю страницы. Потом к фотографии.

— Мне нужны остальные кадры.

— Зачем?

Он выпрямился. В глазах уже появилось то выражение, которое Елена ненавидела с августа: опасность ещё не была понята, а он уже видел в ней возможность.

— Потому что либо нас очень хорошо обманывают, — сказал Ковалёв, — либо мы всё это время изучали не единственный результат.

Орлов посмотрел на лежавшую перед ними рукопись.

— Говорите понятнее.

— Здесь есть книга. И там есть книга. Сначала нужно перестать делать вид, что одна из них существует только в документах.

Он придвинул ростовский снимок к лампе.

Американский адвокат хотел найти специалиста, который когда-то фотографировал рукопись.

Специалист теперь хотел найти человека, который сфотографировал её в Ростове.

Между ними лежала книга, которая не собиралась дожидаться окончания переписки.

Глава 5. День Икс: уроки Хаоса

Воспоминания Краевского. Ростов-на-Дону. Март 2004 года

К началу марта в нашем штабе окончательно отменили обычный календарь. Остались два времени: до выборов и после выборов. До выборов нужно было успеть всё. После выборов предполагалось выспаться, вернуть долги, разобраться с адвокатскими делами и, желательно, снова начать человеческую жизнь.

Бухгалтер Светлана эту систему летоисчисления не признавала.

— Машины на воскресенье оплачивать когда? — спросила она, положив передо мной лист.

— Сейчас посмотрю.

— Посмотри. Только водители тоже смотрят. Пока в нашу сторону.

Я взял расчёт. В нём, в отличие от перспектив кандидата, всё было совершенно определено: столько-то машин, столько-то часов, бензин, люди, которым обещали заплатить. Будущее страны допускало разные толкования. Стоимость бензина — значительно меньше.

В приёмной Дима Донской спорил с Костей о том, кто забрал последнюю пачку бумаги. Маша искала телефон районного координатора, который уже второй день сообщал о невероятном успехе кампании исключительно через жену. На телевизоре без звука выступал очередной кандидат. Светлана прошла к себе, дав мне понять, что вопрос о деньгах от этого не закрылся.

За последние недели «Ювенал» приобрёл все признаки места, где люди пытаются изменить государственное устройство: закончилось мыло, сломался степлер, в коридоре стояла коробка, которую никто не мог ни выбросить, ни объяснить. В кабинете ещё одного моего партнёра сидели двое посетителей с обычным хозяйственным спором. Они смотрели на плакаты Хакамады с тревогой: можно ли здесь всё ещё получить юридическую помощь или для этого уже требуется политическая позиция?

Я проводил их в свободную комнату, вернулся к себе и застал за столом Артёма Дерипаску, Романа Азикова и Алексея Сидельникова.

Они принесли не надежду. Они принесли три разных объяснения того, почему оставшиеся деньги нужно потратить по-разному.

Артём разложил карту области, Роман открыл ноутбук, а Лёша начал с вопроса, который в отчётности никогда не встречается:

— Дэн, ты этим людям веришь?

— Каким именно?

— Которые у тебя по районам работают.

— Некоторым даже деньги доверил.

— Вот их и надо проверить первыми.

С этими троими было интересно работать. Артём быстро схватывал общую конструкцию и раздражался, когда её портили подробностями. Азиков как раз любил подробности, особенно те, из-за которых конструкция переставала держаться. Сидельников мог за пять минут договориться с человеком, которого мы полчаса обсуждали как непреодолимое препятствие. Иногда после этого выяснялось, что препятствие ни о чём подобном не подозревало.

Роман повернул ко мне экран.

— Вот здесь у нас сто восемьдесят человек на встрече.

— Хорошо.

— Было бы хорошо. Это список участников предыдущей встречи. Его прислали ещё раз, поменяв дату.

— Может, люди те же.

— Тогда они второй раз одинаково ошиблись в трёх фамилиях.

Лёша потянулся за телефоном.

— Давай я позвоню.

— Уже звонил, — ответил Роман. — Они говорят: народ готов.

— Народ всегда готов. Вопрос — к чему.

Я откинулся в кресле.

Наши отчёты постепенно начинали напоминать самостоятельную избирательную кампанию. В них люди встречались охотнее, поддерживали горячее и значительно реже задавали неприятные вопросы. Сначала мы пытались с помощью бумаг описывать действительность. Потом бумаги заметно обогнали её и теперь ждали, когда она подтянется.

Мне это было знакомо ещё по прошлой кампании. Разница состояла в том, что тогда часть легенды мы с Жекой производили сами. Теперь я получал её от собственных исполнителей и почему-то испытывал возмущение.

Артём предложил снять две поездки и перебросить оставшиеся силы на город.

— Сейчас уже не время осваивать новые территории. Доделываем то, где есть люди.

— Там тоже люди, — заметил я.

— Там пока список.

Лёша уже разговаривал по телефону. Его голос сделался мягким, почти родственным.

— Да я понимаю, дорогой. Конечно. Никто не сомневается, что работа большая. Я вот только хочу понять: завтра к кому приедем?.. Хорошо. А человек сколько?.. Нет, я не спрашиваю, сколько ожидается. Сколько сами подтвердили?

Он слушал, глядя на нас, и медленно улыбался.

Со ста восьмидесяти разговор спустился к сорока, потом задержался на двадцати пяти. В конце выяснилось, что помещение есть, несколько человек действительно придут, но про встречу с доверенным лицом кандидата большинству ещё не сообщили.

— Поедем, — сказал я, когда Лёша закончил.

Артём посмотрел на меня без восторга.

— Зачем?

— Потому что им уже пообещали. Только без автобуса, без толпы сопровождения и без отчёта на двести человек. Лёша со мной. Остальные занимаются воскресеньем.

— Ты любишь лично проверять, насколько плохо, — заметил Роман.

— Нет. Я люблю понимать, кому потом не платить.

Лёша рассмеялся и снова набрал номер.

На встречу пришло семнадцать человек. Координатор сначала пытался усадить их в первые два ряда большого зала, чтобы на фотографии получилось солиднее, но я предложил перейти в комнату поменьше. Сидеть перед семнадцатью людьми в зале на триста мест — удовольствие специфическое. Очень хорошо помогает понять истинный масштаб своей исторической роли.

Первый вопрос задала женщина у окна:

— А сама Хакамада где?

— В Москве.

— Нам говорили, будет встреча с Хакамадой.

Я посмотрел на координатора. Тот немедленно заинтересовался выключателем.

— С её представителем, — поправил я. — Со мной.

Женщина оценила замену и, судя по выражению лица, осталась недовольна.

Лёша не стал начинать с программы. Спросил, что именно люди собирались у неё выяснить. После этого разговор пошёл. О зарплате, о закрытом предприятии, о сыне, которого не берут на работу, о судах, в которых, по мнению присутствующих, давно следовало судить самих судей.

Я отвечал, спорил, иногда признавал, что не знаю. В какой-то момент поймал себя на том, что перестал следить за временем. Мне это нравилось. Не стоять под плакатом с чужим лицом, а разговаривать с людьми, которые не обязаны со мной соглашаться и которым нельзя приказывать считать мой ответ убедительным.

На выходе та же женщина сказала:

— Вы-то нормально говорите. Только всё равно не выберут её.

— Это Вы сейчас меня поддержали?

— Я Вам правду сказала.

Лёша дождался, пока мы сядем в машину, и засмеялся.

— Запишем в отчёт: состоялся откровенный диалог с населением.

— Семнадцать человек.

— Зато каких. Каждого на десятерых хватит.

Я тоже засмеялся. На душе было хорошо. Ни одного президента мы в тот день не избрали, зато я ещё раз убедился, что занимаюсь не самым скучным делом.

Вечером заехал Жека.

Поставил на край стола пакет с едой, оглядел карту, на которой прибавилось цветных пометок, и снял куртку.

— Ну что, командующий, до Кремля далеко?

— По прямой — недолго. Но нас туда пока не зовут.

— Меня тоже. Странно, да?

Он подвинул мне контейнер и сел.

Мы с ним руководили разными штабами, но это почему-то не мешало ни обедать вместе, ни обсуждать работу. Миронов поддерживал Путина, Хакамада его критиковала, а у нас обоих по-прежнему не хватало людей, машин и времени.

Жека рассказал, что один из его районных организаторов прислал фотографию встречи, на которой в углу висел календарь за прошлый год.

— И что сказал?

— Что помещение старое.

Я поперхнулся.

— Хороший ответ.

— Да. Я ему сказал: тогда и деньги получишь прошлогодние.

По вопросам воскресенья он был значительно серьёзнее. Уточнил, где будут наши наблюдатели, кто останется на связи, чем их развезить ночью.

— Одну машину тебе оставляю, — сказал он. — Только водитель пусть не весь день круги наматывает. К ночи понадобится.

— Договорились.

Он открыл второй контейнер.

— С Кузнецовым как?

— Нормально. Работаем.

— Ну и работай. От того, что ты за другого кандидата, ссориться со всеми необязательно.

— Я и не собираюсь.

Жека кивнул. У него было здоровое отношение к политическим разногласиям: если из-за каждого из них прекращать знакомство, к концу кампании в городе не останется людей, которым можно позвонить.

Мы поели. За окном темнело, в приёмной продолжали разговаривать. Оля зашла предупредить, что уходит, и положила мне на стол сообщения за день.

Среди них была фамилия Розы.

— Что там с родственником? — спросил Жека, заметив, куда я посмотрел.

— Ищет контакт. Сама сказала, что он хотел заниматься книгами.

— Ну вот. Уже не просто святое наследие.

— Не просто.

— После выборов займись. А то мы пока лучше знаем, кто станет президентом, чем кто твоего деда завалил.

Я не стал его поправлять. Гурари уже давно стал для нас «моим дедом», хотя познакомились мы меньше года назад и общались совсем недолго.

Президента я действительно мог назвать без всяких исследований.

С убийцей дело обстояло хуже.

Воспоминания Краевского. Ростов-на-Дону. 11 марта 2004 года

О взрывах в Мадриде я узнал в штабе.

Пришёл с улицы, ещё не успел снять пальто, а Олег, наш журналист, поднял руку:

— Подожди. Посмотри.

На экране стояли покорёженные вагоны. Люди в обычной одежде шли вдоль путей, кто-то поддерживал другого под руку. Изображение дрожало, сменялось, возвращалось к той же платформе. Ведущий сообщал новые сведения, но они ещё не складывались в понятную картину.

В приёмной продолжал звонить телефон.

Светлана взяла трубку, выслушала и сказала кому-то, что перевод ещё не пришёл. Костя перестал перебирать папки. Маша стояла у двери с пачкой листовок, словно забыла, куда несла.

Потом жизнь снова двинулась. Телефоны, люди, вопросы. Чужая катастрофа не отменила ни наших обязательств, ни расстояния между Ростовом и Мадридом. Именно это всегда казалось мне особенно неприятным: человек уже лежит на земле, а где-то в это время другой сердится, что ему принесли остывший кофе.

Я повесил пальто и сел перед телевизором.

Почему-то вспомнился Жириновский. Не вся его речь, не смешные места, которые мы с Жекой пересказывали друг другу. Вспомнилось, как он говорил об Ираке: быстрой победы не будет, начавшееся не останется там, куда вошли войска.

Тогда я почти всё внимание отдал тому, как он это делал. Крик, пауза, оскорбление, неожиданная угроза. В его выступлении хватало вещей, которые можно было изучать как профессиональные приёмы. За ними было удобно не замечать остального.

— Олег, — позвал я, — ту запись Жириновского достать можешь?

— Какую из тысячи?

— Про Ирак. До войны или в самом начале. Не короткий кусок, который все гоняли. Полное выступление.

Он сел рядом.

— Ты решил, что он Мадрид предсказал?

— Я решил послушать, что он говорил.

— Про то, что война аукнется, много кто говорил.

— Значит, и их слушаем.

Олег посмотрел на экран.

— Поищу. У телевизионщиков спрошу. Только не обещаю, что быстро.

Я кивнул.

Мне не требовалось немедленно назначить Жириновского пророком. Но возник неприятный вопрос к самому себе: почему я так легко решил, что понимаю человека, которого никогда не встречал? Умение произвести впечатление я ему признавал. Опыт, связи, политический расчёт — тоже. А дальше уже не смотрел. Разложил по знакомым полочкам и закрыл шкаф.

С Розой я сделал почти то же самое. Только полочка была другая.

Красивая женщина, влиятельная организация, религиозная тайна. Всё объяснимо. Пока не начинаешь спрашивать, что именно тебе объяснили.

Телевизор снова показал вагоны.

Мадрида и этой даты в тех словах, которые я помнил, не было. Было представление о том, как одно событие потянет за собой другие. Возможно, хороший политик должен уметь именно это. Не угадывать завтрашний заголовок, а видеть, что уже запущено, хотя окружающие ещё празднуют успех.

Но почему остальные, не менее осведомлённые, смотрели в ту же сторону и видели другое?

В кабинет заглянул Артём.

— Дэн, по наблюдателям надо решить.

Я поднялся.

— Сейчас.

Он тоже посмотрел на телевизор. Несколько секунд мы молчали, потом вышли в приёмную.

Наша маленькая кампания продолжалась.

В субботу штаб оказался шумнее, чем в некоторые дни агитации.

День тишины означал, что нельзя агитировать избирателей. Он не запрещал ругаться с водителями, разыскивать потерянные направления и выяснять, почему человек, который неделю назад согласился работать на участке, сегодня вспомнил о дне рождения тёщи.

Маша и Костя сидели напротив меня. Рядом лежала цифровая камера.

— Зарядили? — спросил я.

— Да.

— Запасное питание?

Маша показала.

— Телефоны?

Костя поднял свой.

Я кивнул. Мы уже обсуждали, что делать на участке, кого искать в случае конфликта и когда звонить в штаб. Теперь я хотел убедиться не в знании красивых формулировок, а в том, что завтра в нужный момент у них будет работать телефон.

— И ещё, — сказал я. — Увидели что-то непонятное — сначала разберитесь, что именно увидели. Не всё, что нам не нравится, нарушение.

— А если нарушение?

— Тогда фиксируем.

— А если скажут, что всё нормально?

— Для этого и фиксируем.

Вошёл Дима Донской с двумя папками под мышкой.

— Борисыч, тут кто-то пакет с листовками в машине оставил. Я куда его?

— Сюда.

— Там вроде немного. Может, по дороге раздать?

— Сегодня ничего не раздавай.

Дима остановился.

— Я же просто спрашиваю.

— А я просто отвечаю. Положи пакет.

Он поставил его у стены и ушёл с видом человека, которому помешали спасти положение.

Я посмотрел на ребят.

— Вот этого завтра тоже не надо. Каждый делает то, о чём договорились. Не придумываем на месте лишних подвигов.

Маша убрала камеру в чехол.

Мне нравилось, что она относится к работе серьёзно. Иногда даже слишком серьёзно. Костя был спокойнее, но за его привычной усмешкой тоже появилось упрямство. Несколько месяцев назад им достаточно было выдать пачку бумаги и объяснить задачу. Теперь они сами замечали, где слова расходятся с действиями.

Это было полезно для кампании и не всегда удобно для её руководителя.

Воспоминания Краевского. Ростов-на-Дону. 14 марта 2004 года

Воскресенье началось рано и совершенно буднично.

Первый звонок поступил из-за закрытой двери. Второй — потому что человек пришёл не в ту школу. Третий — с вопросом, можно ли отойти позавтракать. К девяти утра я уже знал о стране больше, чем хотел: она состояла из людей, которым постоянно требовалось что-нибудь уточнить.

Олег оставался в штабе на телефоне. Светлана разбиралась с оплатой машин. Азиков собирал поступившие сведения, не позволяя превращать каждое отдельное сообщение в картину по всей области. Артём несколько раз звонил мне по распределению людей. Лёша уехал к тем, с кем ещё вчера всё было согласовано, а сегодня внезапно перестало.

Я объезжал участки.

В одной школе пахло пирожками. У входа стояли пенсионеры, обсуждали цены, здоровье и знакомых, которых давно не видели. Праздничная музыка гремела из колонки так, что член комиссии вынужден был почти кричать, спрашивая адрес.

В другой школе всё было тихо. Мужчина в спортивной куртке пытался объяснить жене, как правильно сложить бюллетень. Она раздражённо отобрала у него бумагу. В этой семье борьба за самостоятельность шла без нашего участия.

Никто не выглядел статистом в чужом спектакле. Люди пришли по своим причинам. Одни — потому что всегда ходили. Другие — чтобы поддержать Путина. Третьи — чтобы проголосовать против него. Четвёртые могли бы остаться дома, но жена уже оделась.

Мы в штабе умели превращать всё это в проценты. На месте проценты пахли мокрыми пальто, спорили, искали очки и просили ручку получше.

К вечеру усталость стала такой, что хотелось отвечать на каждый звонок одним вопросом: «Без меня никак?»

Но на участок №312 я поехал сразу.

Маша позвонила после закрытия и сказала:

— Денис Борисович, здесь с цифрами не сходится. И снимать мешают.

— Я еду. Пока ни с кем не ругайтесь.

— Мы не ругаемся.

На заднем плане кто-то громко потребовал убрать камеру.

Я ускорился.

Школьный спортзал встретил меня запахом лакированного пола, мокрой одежды и остывшего чая.

Под баскетбольным кольцом стояли столы. На стене висели выцветшие схемы упражнений: человек с палкой, человек с мячом, человек, который зачем-то очень далеко отставил ногу. В отличие от нас, эти люди точно знали, какое движение выполняют следующим.

Маша сидела возле Кости. Камеру держала на коленях. Увидев меня, поднялась.

Председатель комиссии — аккуратная женщина в очках — посмотрела на удостоверение, затем на часы. Моё появление явно не улучшало её вечер.

— Что у вас? — спросил я.

— Мы работаем, — ответила она.

— Вижу. Что за разногласия?

Секретарь, молодой человек с усталым лицом, повторил объявленное число: тысяча двести сорок семь.

Маша открыла свои записи.

— Мы считали. Здесь меньше тысячи прошло.

— Голосование вне помещения, открепительные, — быстро сказала председатель.

— Хорошо, — ответил я. — Давайте посмотрим отдельно, из чего складывается итог.

Она поправила очки.

— Всё будет в протоколе.

— Тогда сейчас не нужно объяснять разницу тем, чего мы ещё не видели.

Костя подвинул мне блокнот. У него были записаны время и промежуточные числа. Я просмотрел. Из этих записей ещё не следовало, что все недостающие люди придуманы. Но вопрос возникал вполне определённый, и отмахнуться от него словом «всё» мне не нравилось.

У окна стоял парень в кожаной куртке. Я уже видел его днём: наблюдатель от ЛДПР, кажется, Дима. Свою работу он понимал широко и вмешивался в разговоры охотнее, чем сама комиссия.

— Чего вы копаетесь? — спросил он. — Народ проголосовал.

— Вот и выясняем сколько.

— Хакамада ваши голоса всё равно не догонит.

Я посмотрел на него.

— Ты сейчас за комиссию отвечаешь или за президента?

Кто-то за соседним столом тихо хмыкнул.

Парень оттолкнулся от подоконника.

— Я за то, чтобы домой уже пойти.

— Так я тебя не держу.

Председатель подняла голову.

— Давайте без посторонних разговоров.

С этим я согласился.

Начался подсчёт. Маша снова подняла камеру. Не лезла никому в лицо, не комментировала каждый бюллетень, просто снимала происходящее. Костя записывал.

Фамилия Путина повторялась чаще остальных. Сначала я следил за каждой, потом голос секретаря начал сливаться в однообразный звук. Редкие бюллетени за других кандидатов почему-то заставляли всех на секунду оживать, как будто среди привычных знакомых появлялся человек, которого никто не ожидал.

За Хакамаду объявили девять.

Маша резко повернулась ко мне.

— Девять? Мы из одного двора двадцать человек привели.

— Ты за них голосовала?

— Нет, но они сказали...

— Маша, они могли сказать что угодно.

Ей это не понравилось. Мне тоже. Но превращать обещание избирателя в доказательство я не собирался.

— Пиши то, что видела, — сказал я тише. — Время, действия, цифры. Не то, что тебе обещали.

Дима у окна услышал только начало и довольно усмехнулся.

— Ну вот, тебе же свой объясняет.

Я повернулся к нему.

— А тебе никто не объясняет. Обидно?

Он шагнул ближе, но остановился. В помещении хватало людей, и продолжать уже следовало либо словами, либо слишком откровенным поступком.

Я снова занялся записями.

Больше всего меня раздражало не хамство. С ним всё было просто. Раздражала попытка перескочить через неудобный вопрос, продолжить процедуру и сделать вид, что самого вопроса не было.

Подобное я встречал в судах регулярно. Если вовремя не вернуться к пропущенному, потом выяснялось, что все согласились. А ты сидел в зале, слышал, молчал — значит, тоже.

Я написал заявление, перечислив конкретные расхождения и действия, на которые нам отказались дать объяснение. Без «преступной системы» и «украденного будущего страны». Для этих выражений существовал телевизор. Здесь мне нужны были обстоятельства, на которые придётся отвечать.

Председатель посмотрела на лист.

— Вы задерживаете работу.

— Я прошу принять заявление.

— Мы ещё считаем.

— Значит, у Вас есть время его принять до окончания подсчёта.

Она прочитала первые строки, отложила.

— Потом.

Я остался стоять.

Ни особенного героизма, ни страха я в тот момент не испытывал. Было обычное, довольно злое профессиональное упрямство. Я хорошо знал эту интонацию: сейчас потерпи, сейчас не мешай, сейчас всё закончится — и тогда окажется, что поздно.

Маша молчала. Камеру продолжала держать.

Через некоторое время председатель взяла лист снова.

— Копия у Вас есть?

Я положил вторую.

Пока она делала отметку, Дима сказал негромко:

— В суд пойдёшь, адвокат? Смотри, до суда не все доходят.

Я повернулся.

— Ты что сейчас сказал?

Он пожал плечами.

— Да ничего.

— Тогда не повторяй.

Мне очень хотелось ответить иначе. Даже несколько подходящих вариантов сразу нашлось. Но именно на это нас, похоже, и приглашали: перейти от неудобных цифр к удобному скандалу, в котором уже неважно, кто что считал.

Я забрал экземпляр с отметкой и сел.

Парень ещё постоял рядом, потом вернулся к окну.

Маша опустила камеру.

— Батарея садится.

— Хватит. Дальше записываем.

Всё это заняло значительно больше времени, чем сам конфликт. Ждать, слушать, возвращаться к вопросу, снова ждать. На бумаге политические события выглядят энергичнее. В жизни у человека, который защищает свою позицию, часто просто очень затекает спина.

Когда документы наконец оформили, я ещё раз проверил, что нам выдали. Маша смотрела на меня с таким видом, будто ждала последнего движения, после которого всё встанет на место.

Такого движения у меня не было.

Мы забрали копию протокола, свои записи, камеру и вышли.

На улице стояла машина, которую оставил Жека. Водитель спал, откинув голову. Увидев нас, выпрямился и открыл двери.

— Всё?

— На сегодня почти, — ответил я.

Маша села сзади и долго не могла попасть застёжкой в чехол камеры. Костя помог ей, потом достал блокнот и снова уткнулся в цифры.

Я позвонил Жеке.

— Вышли.

— Все?

— Все.

— Ну и хорошо. Езжайте поешьте. Вы с утра ели вообще?

Я вспомнил, что ел. Кажется, бутерброд. Не исключено, вчера.

В штабе горел свет.

Олег сидел перед телевизором и одновременно разговаривал по телефону. Светлана сверяла выданные деньги. На одном столе лежали поступавшие с участков бумаги, на другом — хлеб, сыр и открытая коробка с пирогами. Кто-то предусмотрительный наконец соединил политическую деятельность с питанием.

Мы сняли куртки. Маша сразу достала камеру.

— Сначала скопируй, — сказал я Косте. — Потом смотрим.

Сам позвонил Соне.

Рассказал о нашем участке, о заявлении и полученных документах. Она слушала внимательно, без прежней штабной торопливости.

— Передавай всё, — сказала она. — Только отдельно напиши, что видели ваши, а что передают другие.

— Сделаю.

— Люди нормально?

— Устали.

— Слышно, что ты тоже.

— У меня голос государственного масштаба.

Она коротко рассмеялась.

— Государство завтра подождёт. Сегодня соберите материалы.

Я положил трубку.

По телевизору показывали московские штабы. Люди давали первые комментарии, благодарили избирателей и уже объясняли, почему случившееся означает именно то, что им сейчас требовалось.

Где-то в кадре появился Жириновский.

Звук был негромким, часть слов заглушал разговор Олега по телефону. Но манеру я узнавал и без звука. Остальные словно отвечали на поставленный итогами вопрос. Владимир Вольфович выглядел так, будто сам решал, какой вопрос здесь следует задавать.

Маша посмотрела на экран.

— У них тоже результат небольшой. Чему он радуется?

— А ты уверена, что он именно этому результату радуется? — спросил я.

Она пожала плечами.

Я и сам не знал ответа. Но разница бросалась в глаза. Человек, которого не было в бюллетене, оставался в центре разговора. Его кандидат получил свои голоса, а он продолжал распоряжаться вниманием так, словно голосование было только перерывом между его выступлениями.

У нас весь вечер заканчивалась кампания.

У него ничего не заканчивалось.

Костя позвал смотреть запись. Мы придвинулись к ноутбуку, и мысли о Жириновском на некоторое время отступили. Судя по записи, Маша держала камеру спокойнее, чем мне казалось в зале. Были слышны объявления, ответы председателя, посторонние реплики.

Я остановил запись там, где возник первый спор о числах, и сделал пометку.

Теперь предстояла работа, которую я понимал.

Воспоминания Краевского. Ростов-на-Дону. 15 марта 2004 года

Утром в штабе было похоже на квартиру после большого семейного праздника, на котором родственники поссорились, но посуду всё равно надо мыть.

Плакаты висели на прежних местах. Карта области никуда не делась. На столе стояли чашки с остатками кофе, и по ним можно было восстановить маршруты ночных переговоров. Одна — у телефона, другая — возле факса, третья почему-то на подоконнике в приёмной.

Светлана пришла раньше меня.

— Этих рассчитали, — сказала она, показывая на список. — По этим не хватает подтверждений. И ещё две машины.

— Помню.

— Я для этого здесь и сижу, чтобы ты помнил.

На телевизоре шли предварительные итоги. У Путина — больше семидесяти процентов. У Хакамады — меньше четырёх. За этими числами теперь помещались наши поездки, разговоры, бессонные ночи и расходы, которые Светлана ещё не успела свести.

Сказать, что мне было всё равно, означало бы соврать.

Я не верил в победу с первого дня. Но между «не верил в победу» и «готов получить любой результат» существовало приличное расстояние. Мне хотелось, чтобы работа оказалась видна. Чтобы люди, с которыми разговаривал, не просто кивали из вежливости. Чтобы наши усилия превратились во что-то большее, чем красивое упоминание об участии.

Самолюбие — вещь гораздо менее политически зрелая, чем его хозяин.

Маша пришла с Костей. Вчерашняя злость у неё сменилась усталостью.

— Всё равно ничего не изменят, — сказала она, глядя на подготовленные материалы.

— Может быть.

Она подняла на меня глаза.

— Тогда зачем?

Я сел.

— Потому что мы это увидели и записали. А дальше будем добиваться ответа. Я тебе ночью не обещал, что сегодня отменяют выборы.

— Знаю.

— И перестань смотреть на эти девять голосов так, будто остальные лично тебя обманули.

Она отвернулась, но уже без прежнего раздражения.

Мне не хотелось читать ей лекцию о зрелости. Сам я ещё несколько минут назад мысленно предъявлял населению примерно ту же претензию. Просто делал это более образованными словами.

Олег принёс кофе. Костя начал раскладывать копии.

Работа продолжалась.

Позже приехали политтехнологи. Артём хотел подвести итоги сразу, пока впечатления не обросли удобными объяснениями. Роман принёс сводку. Лёша сообщил, кто из областных знакомых уже интересуется следующими кампаниями.

Я посмотрел на него.

— Они хоть сутки подождать могут?

— А чего ждать? Люди освободились.

Мы засмеялись.

В его словах было больше практической правды, чем в большинстве ночных телевизионных комментариев. Президентская кампания закончилась. Люди, которые научились работать вместе, остались. Телефоны не перестали отвечать. Нас знали чуть лучше, чем в январе. Где-то нам теперь доверяли, где-то считали наглыми, где-то — полезными. Всё это тоже было результатом, хотя в сводке Центральной избирательной комиссии для него не предусматривалось отдельной строки.

Соня позвонила ближе к обеду.

— Материалы получили. Посмотрят, — сказала она. — Ты своих не распускай так, чтобы потом никого не собрать. Работу нормально закончи.

— Рассчитываемся.

— Хорошо. Потом поговорим. Ты мне ещё понадобишься.

Я усмехнулся.

Эту фразу можно было принимать и за комплимент, и за предупреждение. Мне больше нравилось первое.

Жека появился, когда почти все уже разошлись.

— Ну что, Дэн, ты теперь опять адвокат?

— А я переставал?

— Нет. Просто раньше клиенту надо было прийти, а теперь ему требовалось пройти через штаб и найти тебя между кандидатами.

Он сел напротив.

Я рассказал про ночь на участке. Про заявление, про наблюдателя, которому хотелось домой и который почему-то решил, что для этого надо напугать меня.

Жека выслушал, не перебивая.

— Свои целы?

— Целы.

— Документы забрали?

— Забрали.

— Ну и всё. Дальше своей работой занимайся. Не хватало ещё из-за каждого такого придура отдельную жизнь начинать.

Я кивнул.

Он оказался прав и в этом, хотя мне хотелось ещё немного позлиться.

В открытом окне шумела улица. Ростов не выглядел городом, который вчера участвовал в определении собственной судьбы. Торговали, парковались, сигналили. Мужчина возле входа пытался прикурить на ветру. Никаких внешних признаков завершившейся исторической развилки.

Мне вдруг захотелось домой. Не в Москву, не на встречу, не к кому-то по делу. Просто домой, где никто не спросит о явке.

Но на столе лежала папка Гурари.

За время кампании она не стала ни тоньше, ни понятнее. Зато теперь в ней появился Давид Гурари. Родственник, который приехал к святому месту и заодно хотел поговорить о цене старых книг.

Рядом лежали записи с участка.

Вчера я почти весь вечер добивался, чтобы случившееся не исчезло в удобном объяснении. Увидели одно, объявили другое, потом скажут: всё прошло спокойно. В деле Гурари происходило нечто похожее, только там я сам успел принять удобную версию. Книжку унёс убийца. Родственники хотели сохранить святыню. Государство хотело всё контролировать.

Несколько понятных фраз — и можно не замечать людей, которые в них не помещаются.

— С Давидом что? — спросил Жека.

— Теперь буду разговаривать.

— Вот и разговаривай. Только без этого твоего «после выборов». Выборы уже были.

Я усмехнулся и взял телефон.

В приёмной Олег собирал вещи. Я позвал его:

— Про запись не забудь.

— Не забыл. Спросил уже.

— Мне целиком нужна. Не подборка, где он самое смешное говорит.

Олег кивнул.

Жека проводил его взглядом.

— Опять Жириновского изучаешь?

— Да.

— Он тебя когда-нибудь бесплатно к себе возьмёт. За интерес к творчеству.

— Пусть сначала объяснит, откуда материал берёт.

Женёк хмыкнул.

Я открыл сообщение Розы и набрал её номер.

Президентская кампания закончилась. Вопросы, с которыми я в неё вошёл, — нет.

Глава 6. Наследники

Воспоминания Краевского. Москва. Апрель 2004 года

Давид согласился встретиться охотнее, чем я ожидал.

После разговора с Розой у меня сложилось впечатление, что его придётся разыскивать, уговаривать, объяснять, почему вопросы ростовского адвоката заслуживают внимания. Ничего подобного. Он выслушал, кто я, уточнил, когда буду в Москве, и предложил пообедать.

— О книгах лучше говорить спокойно, Денис Борисович.

— Я хотел поговорить о Михаиле Иосифовиче.

— Разумеется. Всё связано.

На этом и договорились. Каждый остался при своей теме.

Поездку я совместил с другими делами. После выборов московские знакомства не исчезли, просто разговаривать с некоторыми людьми стало удобнее: никто уже не прерывал беседу, чтобы срочно спасать кандидата. Соня нашла мне пару встреч. В Ростове партнёры постепенно возвращали меня к клиентам, которые не собирались становиться президентами и потому полагали, что их вопрос о взыскании долга ничуть не хуже вопроса о будущем России.

Мне нравилось, что теперь можно было заниматься и тем и другим. Не всегда получалось, но сама возможность грела.

Давид выбрал ресторан при гостинице в центре. В обед здесь сидели люди, которые могли позволить себе не смотреть на часы, пока на часы за них смотрел кто-нибудь другой. У соседнего столика мужчина в дорогом костюме по телефону убеждал собеседника, что денег нет. Судя по бутылке вина перед ним, денег не было избирательно.

Я приехал немного раньше и успел заказать кофе.

Давид вошёл без сопровождения. Мужчина лет пятидесяти, коротко стриженный, с седой у висков. Тёмный пиджак, светлая рубашка без галстука, очки в тонкой оправе. Ничего, что мешало бы ему выглядеть владельцем небольшой компании, преподавателем или человеком, который удачно вышел из бизнеса и теперь занимается чем-нибудь приятным.

Увидев меня, он улыбнулся и направился прямо к столу.

— Денис Борисович?

— Да.

Мы пожали руки. Он сел, снял очки, протёр их салфеткой.

— Роза сказала, Вы недавно закончили кампанию.

— Кампания закончилась. Работа пока нет.

— С Хакамадой?

— С ней.

— Интересный опыт.

Он произнёс это без сочувствия к результату и без дежурного восхищения. Как человек, который понимает: участие в большой работе иногда приносит больше, чем место в итоговой таблице.

Мне такой подход был ближе, чем соболезнования.

Подошёл официант. Давид спросил, обедал ли я, и предложил не торопиться. Сам заказал рыбу и минеральную воду. Я выбрал суп. На голодный желудок хотелось быстрее добраться до главного, а это не всегда помогало разговору.

— Вы часто бываете в Москве? — спросил я.

— По необходимости. Сейчас вот появилась.

— Семейная?

Он улыбнулся.

— Вы сразу начинаете работать?

— Я уже начал, когда Вам позвонил.

Давид кивнул, принимая ответ, и подвинул стакан в сторону.

— Тогда скажите, что Вам рассказала Роза.

— Что Вы приезжали в Ростов в прошлом апреле. Встречались с Михаилом Иосифовичем. Обсуждали наследство.

— Всё верно.

— И предлагали найти покупателя на книги.

Он посмотрел на меня поверх очков, которые только что надел.

— Я предлагал сначала выяснить, что именно сохранилось и кому это принадлежит.

— А потом найти покупателя?

— А потом принимать решение.

Я усмехнулся. Начало было знакомое.

В моей практике почти никто не приходил со словами: «Я хочу получить чужое имущество». Обычно люди хотели разобраться, помочь, навести порядок, восстановить справедливость. Иногда даже всё сразу. И только где-нибудь к концу беседы выяснялось, у кого после восстановления справедливости должны оказаться ключи.

Давид, впрочем, не стал долго прятаться за предварительными действиями.

— Да, заинтересованные люди были. И есть. Но Вы ведь понимаете: невозможно обсуждать приобретение того, чего никто не видел.

— Михаил Иосифович видел.

— В последний день.

Я отставил чашку.

— Вы с ним виделись в тот день?

— Да.

Он ответил спокойно. Не отвёл глаз, не потянулся за водой. Если и готовился к этому вопросу, то подготовился лучше, чем к разговору о цене.

Я тоже не стал торопиться.

— Тогда расскажите.

Давид начал не с последней встречи.

Он заговорил о семье, о книгах, которые переходили от одних хранителей к другим, о людях, чьи имена в официальной истории обычно упоминались между более значительными фамилиями. Эти люди перевозили вещи, прятали, хранили у себя, платили за чужие решения собственной жизнью. А потом появлялась организация, объявлявшая, что всё это с самого начала принадлежало ей.

Он говорил негромко, почти доверительно. В его изложении история выглядела иначе, чем у Розы.

Там была святыня, которую нужно вернуть законным хранителям.

Здесь — имущество, за которое несколько поколений семьи отвечали, не получая взамен ничего, кроме обязанности отвечать дальше.

— Роза рассказала Вам о процессе с Бэрри? — спросил он.

— Рассказала.

— И, разумеется, объяснила, что вопрос закрыт.

Я действительно знал эту историю с её слов. Родственник считал библиотеку наследством, Хабад — общинным достоянием. Суд поддержал организацию. Роза рассказывала об этом как о доказательстве права на всё наследство, за которое они боролись.

— Она объяснила позицию своей стороны, — ответил я.

Давид чуть заметно улыбнулся.

— Значит, Вы всё-таки её отличаете от единственно возможной.

— Это моя работа.

— Тогда Вы поймёте и меня. В Бруклине спорили об определённом собрании. Но разве из этого следует, что любая рукопись, сохранившаяся у родственников или учеников, уже принадлежит организации? Её даже не нужно смотреть? Достаточно сказать: наша?

— У Вас есть документы на ростовские книги?

— Для этого и нужно разобраться.

— Вы заявляете права или предлагаете свои услуги?

Он снял очки и положил их на стол.

— Одно не исключает другого.

Вот это было уже честнее.

Давид не притворялся бескорыстным. Он считал семейное участие достаточным основанием, чтобы его мнение учитывали, а собственную работу — достаточным основанием, чтобы за неё заплатили. Меня не возмущало ни первое, ни второе. Я сам сидел напротив него не как добровольный хранитель чужого духовного благополучия.

Вопрос заключался в том, за что именно он рассчитывал получить деньги.

— Михаил был человеком другого склада, — продолжил Давид. — Для него существовали вещи, о которых нельзя было говорить как об имуществе. Стоило произнести слово «продажа», он уже не слушал, что предлагают.

— Может быть, потому что не хотел продавать?

— Может быть. Но прежде чем отказываться, полезно хотя бы понять, от чего отказываешься.

Он говорил о Михаиле без презрения. Скорее с досадой человека, который много раз пытался объяснить близкому простую, как ему казалось, вещь и всякий раз упирался в одно и то же.

Я вспомнил первый визит Гулари. Тот ещё не знал, что мы найдём саквояж, но уже тогда торопился объяснить: предметы в квартире не предназначены для продажи. Я пропустил это мимо ушей. Клиенты не подчёркивают такие вещи без причины. Теперь причина начинала проступать.

Официант принёс заказ. Несколько минут мы ели молча.

Давид не выглядел человеком, которого тяготит чужое присутствие. Он спокойно разломил хлеб, попробовал рыбу, спросил у официанта о соусе. Мне понравилось, что он не превращает обслуживание в маленькое упражнение по демонстрации власти.

С людьми, которые разговаривают вежливо только с теми, кто им сейчас нужен, я обычно не ждал больших открытий. Здесь всё было сложнее.

— Вы давно знали Михаила Иосифовича? — спросил я.

— С детства. Виделись нечасто, но общались.

— Почему же после его смерти не связались с адвокатом?

— С каким?

— Со мной.

— Я знал, что ему помогает адвокат. Вашей фамилии он мне не называл. После его смерти я разговаривал с Розой. Она сказала, что занимается делом и что с книгами пока ничего решаться не будет.

Он отрезал кусок рыбы и отложил нож.

— Вы ведь тоже не сразу захотели со мной поговорить.

Я не стал оправдываться выборами.

— Поэтому мы и встретились.

Давид кивнул. Счёт взаимных упущений пока никому не давал преимущества.

Когда речь вернулась к книгам, он заметно оживился.

Оказалось, ему не нужно было непременно приобретать всё. Следовало сначала выделить наиболее интересные экземпляры, установить происхождение, определить авторство помет. Иногда, по его словам, обычный на вид том стоил значительно больше красивого переплёта, если было известно, кто держал его в руках и что записывал на полях.

Я слушал внимательно. Происхождение вещей интересовало его так же, как меня происхождение денег в запутанной сделке: не ради общего образования.

— Кто будет смотреть? — спросил я.

— Специалист. Здесь, в России. Никто не предлагает Вам сейчас куда-то везти коллекцию.

— А кто покупатель?

— Это зависит от того, что найдётся.

— То есть пока Вы хотите получить доступ.

— Пока я хочу, чтобы появился предмет разговора.

Он придвинул к себе чашку.

— Денис Борисович, Вы ведь понимаете положение лучше большинства. Найдены вещи с неясной историей. Есть люди, считающие их своими. Есть государство, которое тоже может заинтересоваться. Есть семья. Всё это можно годами таскать между кабинетами. А можно сначала установить, о чём идёт речь.

— Вы предлагаете мне убедить Розу?

— Я предлагаю Вам помочь ей принять решение, зная обстоятельства.

— Она уже знает Вашу позицию.

— Она знает, что я хочу купить книги. Не хочет знать, что ей предлагают взамен.

Я посмотрел на него.

— А что ей предлагают?

Давид назвал не сумму, а порядок действий. Оценка. Подтверждение происхождения. Согласование состава вещей, которые могут стать предметом сделки. Деньги — после этого. Расходы на предварительную работу заинтересованная сторона готова взять на себя.

Всё звучало вполне прилично. Настолько прилично, что я почти услышал, как эта же схема могла прозвучать для Михаила Иосифовича год назад.

— Ваше участие тоже должно быть оплачено, — добавил он.

Я дождался продолжения.

— Обычный гонорар за наследственное дело здесь, согласитесь, не соответствует объёму ответственности.

Это было сказано точно. Не «мы с Вами поделим», не «помогите договориться». Просто разумное замечание человека, который уважает чужой труд.

Я поймал себя на том, что уже прикидываю, во что могло бы вылиться такое сопровождение. Международная сделка, экспертиза, переговоры, несколько сторон. Хорошая работа. Дорогая.

Потом вернулся к вопросу, на который мы пока так и не ответили.

— Кто поручит мне эту работу?

— Те, кто заинтересован в результате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.